

НИКОЛАЙ
ЗАДОРНОВ



ВОЙНА
ЗА ОКЕАН

Освоение Дальнего Востока

Николай Задорнов

Война за океан. Том первый

«ВЕЧЕ»

1962

Задорнов Н. П.

Война за океан. Том первый / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1962 — (Освоение Дальнего Востока)

ISBN 978-5-4484-7071-4

Николай Павлович Задорнов (1905–1995) – известный русский советский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Роман «Война за океан» хронологически продолжает цепь событий, начатую в романе «Капитан Невельской». Здесь и судьба второй экспедиции по Амуру под руководством Н. М. Чихачева, и активное освоение Русско-американской компанией тихоокеанского побережья Северной Америки, а также героическая оборона Петропавловского порта на Камчатке в августе 1854 года от англо-французской эскадры...

ISBN 978-5-4484-7071-4

© Задорнов Н. П., 1962

© ВЕЧЕ, 1962

Содержание

Книга первая. Петровская коса	6
Глава первая. В казарме	6
Глава вторая. Капитан	10
Глава третья. Возвращение Чихачева	16
Глава четвертая. Торговля	21
Глава пятая. Рождество	27
Глава шестая. Восстание	34
Глава седьмая. Сакани	39
Глава восьмая. Первая почта	44
Глава девятая. Почтарь Антип	48
Глава десятая. Чихачев на Амгуни и на Горюне	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Задорнов

Война за океан. Том первый

© Задорнов Н. П., наследники 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

*Ревани, который Россия должна была взять у Франции и Англии
за свое военное поражение под Севастополем, теперь осуществился.
Ф. Энгельс. Успехи России на Дальнем Востоке*

Книга первая. Петровская коса

Глава первая. В казарме

– Подобин, на пост! – услышал матрос сквозь сон голос унтер-офицера Салова.

Иван Подобин быстро сел на нарах, вытянул жилистые руки, напрягаясь всем телом, словно силясь что-то стряхнуть с себя. Руки гнутся плохо, и «шкура» как задубела. «Как меня нынче одолело, – думает Подобин, – не цинга ли подбирается? Прилег соснуть перед вахтой и заспался». Унтер-офицеру пришлось потрясти Ивана за плечи.

Салов – низкий и плотный, светло-русый, стрижен ежом, с маленькими карими глазами, с веснушчатым лицом в мелких, частых морщинах. Он попал в экспедицию с брига «Охотск», который разбился здесь, в заливе Счастья, осенью прошлого, 1850 года и вытасчен на берег. Команда с тех пор осталась в экспедиции.

Унтер-офицер не уходил, ожидая, не придется ли еще раз будить.

В казарме душно и жарко. Два светильника с фитилями в жиру освещают нары со спящими людьми.

Недавно поужинали, многие улеглись, слышен храп, а иногда стоны. Кости у людей ноют: расчищали пост, откапывали из-под снега пушки и дома, занесенные позавчерашней пургой до крыш. Вокруг поста навалили валы больше чем в сажень.

У края чисто вымытого и выскобленного ножами стола горит свеча. На чурбане сидит рослый рыжеватый казак Парфентьев в матросской рубаше и шьет себе ичиги. Казаки экспедиции одеты в морскую форму. Парфентьеву завтра ехать на реку Амур через залив и горы прямой дорогой в Николаевский пост. Непрерывно люди назначают ездить туда и обратно.

Подальше нары перегорожены холщовыми и цветными занавесками. За ними живут семейные.

Слышно, скрипит зыбка. Матрена Парфентьева, высокая, худая, изможденная женщина, еще молодая, со скуластым лицом и карими глазами, качает ребенка и то напевает ему песенку, то ругает и грозит выбросить собакам. Старуха-мать толкует с низкорослой смуглой соседкой – женой казака Беломестнова. Иногда в их разговор вмешивается Матрена.

Еще одна женщина – Алена Калашникова, – крепкая, молодая, со скуластым румяным лицом и коротким прямым носом, домывает пол. Она полуразогнулась, чтобы перевести дух, и обтирает потный лоб сгибом голой до локтя руки, а в другой держит мокрую тряпку над ведром и поглядывает с любопытством, как мучается, не оборя сон, сосед Иван. Она выскребла пол метлой с песком. У печи на веревке сушатся портянки, а на плите рядами, друг на друге, – валенки и торбаса, меховые чулки, ичиги, все ступнями к горячей печке.

Заметив, что Алена смотрит, Иван Подобин несколько приободрился. Салов пошел дальше.

Алена, сунув босые ноги в валенки и придерживая на груди концы накинутого на голову платка, подхватила ведро с помоями. В дверях она столкнулась с молодым матросом Фоминым, несшим полную охапку березовых дров. Фомин взглянул на Алену исподлобья. Та прыснула и кинулась в дверь.

Из-за занавески выглянул муж Алены, матрос Мокей Калашников, назначенный недавно коком. У него черные усы под толстым вздернутым носом и брови черные и мохнатые. Лицо широкое и смуглое. Спросонья Мокей самодовольно и мельком глянул вслед жене, потом перевел взор на Фомина, который, стоя на коленях, укладывал дрова у печки. Обычно суровое лицо Мокея смягчилось и приняло насмешливое и презрительное выражение.

Иван Подобин нашел на веревке свои портянки, а у печи – валенки и обулся. Надел черную суконную рубаху, а поверх нее – полушубок и подпоясался потуже.

Вдоль одной из стен – стойка с ружьями. Матрос взял свою кремневку.

– Иван! – окликнули его с нар.

Скуластое лицо матроса Конева, старого приятеля и сослуживца, появилось из полутьмы.

У Конева белесые брови и узкие хитроватые глаза. Подобин и Конев вместе вышли из Кронштадта на бриге «Байкал», под командованием Невельского, побывали в Англии, обошли вокруг Горна, стояли в Южной Америке, справляли Рождество в тот год на Сандвичевых островах у гавайского короля, потом пришли на Камчатку, оттуда пошли на устье Амура, искали вход в реку. Конев, идя тогда на шлюпке, заметил первый, что из бухты несет течение, и так открыли Амур. С тех пор прошло более двух лет, и вот уже вблизи входа в огромный амурский лиман на юге Охотского моря, на песчаной косе, отходящей от материка, Подобин и Конев зимуют на Петровском посту, который ставили здесь сами в день Петра и Павла с капитаном Невельским в прошлом году летом.

Конев говорит редко, он молчалив и хитроват. Подобин тоже слов на ветер не бросает. Он прямой, бесхитростный.

– На пост? – хрипло спросил Конев.

– На пост.

– Смотри там...

– Чего смотреть?

– Пурга кончилась. Как раз пираты нападут... может, рыщут.

– Какие зимой пираты!

Конев всегда толкует про опасности, хоть сам и не робкого десятка.

Подобин присел на сырую от мойки длинную лавку и стал заряжать ружье. Он рослый, видный матрос, с высокой грудью и крепкой шеей. У него крупный нос, густые усы и бакенбарды и высокий лоб над светлыми жесткими бровями.

– А ты слышал, Фомин сегодня к бабке Парфентыхе присватывался? – спросил Конев и осклабился.

Подобин уложил запасные заряды в сумку, надел шапку, а поверх полушубка – огромную доху.

В другом конце казармы казак Кузнецов в тулупе затягивал кушак. Подобин подошел к нему. Они пошли в дверь вслед за Саловым.

«Всем живется голодно, – подумал Подобин, – а Салов наел рожу! Жрет что попало, всякую пропастину. Говорят, собачину у гиляков пробовал!»

Конев, оставшийся в казарме, улегся поудобней, кутаясь в одеяло. С осени всем выдали шерстяные одеяла. Хорошая вещь, тепло под ним! На пост сегодня не идти, можно спать.

А Фомин не на шутку сватался сегодня к старухе Парфентыхе. Все потешаются. Конев и сам думает, что не худо бы жениться. Но не на шепелявой же бабке.

«Найдем место на Амуре с Геннадием Ивановичем хорошее, теплое, а после этого взять бы отпуск, съездить к себе в Пензенскую губернию и там жениться. И жену привезти сюда. И тогда Конев уж не крепостной человек после службы, сказано, что здесь крепостного нет и каждый в Сибири может прожить сам! Вот бы!»

Подобин стоял на морозе у склада, который устроен в вытасченном на сушу бриге «Охотск». В вышине во мгле видны его высокие мачты. Летом на них поднимают сигнальные огни. Неподалеку возле казармы конура сторожевой собаки. Чуть что, пес учует, а то и схватит любого. Вокруг поста гиляцкие деревни, они тянутся вдоль лимана и по берегам реки до самого Николаевского поста. Стоят друг от друга в десяти – пятнадцати верстах. Считается шестнадцать деревень и в них населения шесть тысяч. А в экспедиции – сорок человек.

«Но Геннадий Иванович завел с гиляками дружбу и гнет на то, чтобы все с ними обходились хорошо. Эти гиляки – личности самостоятельные, вольные и даже самим маньчжурам не поддаются. Вообще-то занятно пожить на такой земле, насмотришься всего, если бы только не голод».

Подобину тяжело, но он терпит, знает, что долг. Все, кто служит, терпят. На то служба!

Луна взошла. Огонек горит в доме капитана. Долго не спит Геннадий Иванович. А холодно у него во флигеле, день и ночь топить надо. Да семейный, ему легче. Вот Калашников тоже в ус не дует.

А старик Мокринский мучается, хрипит все время, дышать не может. Говорит, как поест рыбы соленой, так все внутри горит и на сердце давит... Унтер Салов всегда с улыбочкой. Алена Калашникова как-то сказала Ивану, что когда служил Салов в Охотске, то просился в каторжную тюрьму в палачи. А сам веселый. Все с шуточкой.

Собака пришла, ткнулась в полы тулупа. Тишина. Поднимешься на вышку, и видно, как снега горят. По обе стороны косы уже давно замерзло море, не шумит. Красиво... Редкая ночь. А в пургу занесет весь пост так, что приходится выбираться через чердаки, пушки искать в снегу шестами на ощупь. Капитан велит от пушек снег отгребать.

Люди на посту начинают болеть. Подобин полагает, что это оттого, что мало дают винного уксуса и водки. К весне будет еще хуже. Если уксус закончится, начнется цинга. А приказчики Боуров и Березин тайком напиваются пьяные. Уверяют, что водку достают у гиляков.

На Николаевском посту у Подобина двое приятелей – Шестаков и Веревкин, которые тоже служили на корабле «Байкал».

Шестаков недавно приезжал из Николаевского поста и рассказывал, что Веревкин объявляет всюду, что будто бы, когда шли в сорок девятом году на шлюпке с лейтенантом Казакевичем, он, а не Конев увидел Амур первый. Между Коневым и Веревкиным с тех пор идет из-за этого спор.

Среди матросов, присланных из охотской портовой команды, есть такие, что играют в Николаевском посту краплеными картами, например Сенотрусов. Поэтому, видно, капитан и отправил несколько надежных людей, в том числе и своего любимца Шестакова, на дальний пост. На своих Невельской надеяться может. Значит, капитан сразу заприметил, каких птичек прислало к нему в экспедицию охотское начальство. Крапленые карты завели!

«На “Байкале” ничего подобного не было. А тут-народ – сброд, сбиты охотским начальством с рук не зря. А как его узнаешь, кто он такой? Вот и смотри, а то живо из мешка вытянут чего-нибудь. Вот мы куда попали! Прежде этого не знали и мешки свои не проверяли, когда с вахты приходили. Надо бы мне перемениться местами и спать рядом с Коневым. Со своим надежней. Правда, пока все спокойно».

В казарме все спали глубоким сном, дружный храп и тяжелое дыхание неслись из всех углов, когда черноусый и чернобровый Калашников при свете фонаря начал щепать лучину из высохшего у горячей печи полена.

Из-под занавески вылезла жена его Алена, зевнула громко, поправила волосы под платком. Поднялась и худая рослая Матрена Парфентьевна, стала собирать мужа в дорогу.

Подобин и казак Кузнецов, сменившиеся в полночь, спали крепко. Едва зашлепала Алена по полу ногами, Иван проснулся.

Стукнула дужка ведра, потом подняли гулкую деревянную крышку полупустой кадушки, вода с поднятого полного ведра плеснулась обратно в кадку. Опять тяжело и быстро зашлепали босые ноги по чистому полу. Да, это Алена... Вот вода широко хлынула в котел.

Теперь слышались легкие шаги, пустое ведро стукнулось о край кадушки, снова погрузилось и опять вырвалось с водой, и опять раздалось торопливые частые шаги.

Лучины занялись с треском. Калашников открыл стоявший в углу ларь, достал из него мешок с крупой, безмен, отвесил часть крупы, потом пошел в сени, при которых была кладовка с продуктами, и принес оттуда бочонок с мерзлым коровьим маслом. Он перевернул бочонок и, вывалив масло на стол, стал осторожно соскребать цвель, густой мохнатой зеленью покрывшую полукруглые стороны на кусках.

Подобин сладко уснул. На дворе еще темно. Казак Беломестнов слез с нар. Он смуглый, малого роста, чернявый. Недавно вернулся из экспедиции на Амгунь, куда ходил с офицерами. Обувшись, он ушел на мороз. Вскоре послышался стук. Казак скалывал лед с бочки, в которой возит пресную воду с речки Иски. Прежде возил штрафной матрос старик Яков Мокринский, но заболел.

Вот еще чьи-то худые жесткие ноги в ссевшихся цветных коротких портках спустились на пол. Это казак Иван Масеев, якут. У него орлиный маленький нос на широком лице с сильно набухшими скулами.

– Че, утро? – спросил он, протирая глаза, живо надел торбаса и в одной рубашке ушел на мороз.

Поднялся Парфентьев. Ему надо готовить собак и нарты.

В казарме запахло дымом.

– Что это, боже мой! Опять дыма полно, – заворчала старуха Парфентыха, – глаза ребенку выест.

Заорал младенец Калашниковых. Алена кинулась к нему, и он сразу стих. Слышно было, как ребенок засосал материнскую грудь. Тяжело вздохнул неспавший Фомин.

Вернулся Беломестнов и поставил деревянный молоток.

Собаки завыли. Они встречают рассвет, ждут корма. Гиляк Паткен, видно, еще не напарил им юколы.

Вода в котле закипела. Калашников высыпал крупу. Алена помогает мужу, топит в миске соскобленную цвель. Ведь и в ней жир, и ему нельзя пропасть, как крупице золота.

Вошли штурманский поручик Воронин, средних лет, темно-русый, с обветренным лицом, как у гиляка, и старший унтер-офицер Козлов. Он мал ростом и шупл. У него сухое, бледноватое узкое лицо, безбровое, с маленькими глазами. От едва заметных скул по щеке падают глубокие морщины.

– Что же плита так дымит? – спросил поручик, глядя, как время от времени дым вырывается из-под котла. Унтер Козлов заглянул в плиту.

– Да маленько камень завалился, – ответил Калашников.

– Неужто погода опять переменится, – беспокоится Матрена. – Однако, пурга не схватит ли тебя в дороге? – говорит она мужу.

– Стройся! – раздался голос младшего унтера Салова.

Воронин и Козлов назначали людей на работы.

Глава вторая. Капитан

...мне мои гуси всегда кажутся лебедями.

Чарлз Дарвин

– Подобин, к тебе дружок приехал, – появляясь в полдень в дверях, сказал казак Беломестнов. За ним вошел молодой гиляк с румяным лицом.

– А-а, Таркун!

Иван летом выменял у Таркуна шкуру лося за несколько старых гвоздей и кусочек листового железа. Он подстилает шкуру на нары и берет с собой в дорогу, когда предстоит ночлег в лесу. А Таркун из железа сделал наконечники для стрел и подстилку под ступни на лыжи, это он сам придумал. Его лыжам теперь завидуют все гиляки.

Подобин перекладывает в углу топку. Гиляк присел на краешек нар, глядя на разломанную плиту. Кто-то ткнул его в спину, он оглянулся и увидел Мокринского, дрожащего от гнева.

– Куда ты, погань, лезешь? Вшей-то по нарам трясти.

– Что значит погань, – заметил Подобин, – он такой же человек.

– Нехристь! Тьфу! – плюнул старик.

Таркун отпрянул и присел на корточки у двери.

– Что это ты? – укоризненно спросила Алена, обращаясь к Мокринскому.

– Даром их нечего приваживать! – шутливо заметил Беломестнов.

– Закурим, – доставая кисет, сказал гиляку Подобин. – Сиди, сиди, никто не тронет. – Матрос пригласил гиляка на свое место на нарах, но тот не пошел. – Вот печку перекладываем...

В сенях раздались стук, голоса. Вскоре появились матросы в полушубках. Они с острова Удд привезли две нарты досок. Там еще по осени разобрали корпус разбившегося брига «Шелихов».

– Эка грязи сколько развели! – со злом сказал курносый матрос Фомин, видя разломанную плиту, глину и камни, но тут же усмехнулся, заметив в висевшем на стене зеркале красивое лицо Алены.

– Становись с мутовками! – раздалась команда Салова.

Получив порцию рыбных щей и хлеба, люди подходили к столу и садились на лавки. Молодые ели, держа мутовки на столе, а некоторые пожилые, желая, видно, чтобы во время еды к ним никто не привязывался и не нарушал наслаждения, отворачивались от общего стола и хлебали варево, жадно заедая хлебом.

Алена дала и гиляку мутовку, объяснила, чтобы становился в ряд. Муж ее налил гиляку щей. Матрена Парфентьева подала гостю кусок хлеба и показала, чтобы сел к столу, но гиляк устроился на полу подле нар, поджав под себя ноги, и тоже стал быстро есть.

– Мяса нет, все рыба ржавая, – жаловались за столом.

Таркун немного понимал по-русски.

– Разве мяса нет? – тихо спросил он сидевшего рядом Ивана Масеева по-гиляцки.

– А где же оно? – отозвался тот.

Казак Иван Масеев, живя на посту, быстро выучился понимать по-гиляцки. Поговаривали, что он и прежде бывал тайком в здешних местах с богатыми якутами-торговцами и поэтому язык легко дался ему. Масеев и гость о чем-то поговорили между собой тихо.

– Таркун лося убил, да вывезти не может, – через некоторое время заметил Масеев как бы между прочим.

Все стихли.

– Хорошо, что ты к нам на праздник приехал! – вдруг сказал Беломестнов, наклоняясь к Таркуну и дружески обнимая его. – Ведь завтра праздник, царский день! Эх, и хороший же ты парень.

– Что же сидишь там, иди к столу! – сказал Фомин, теснясь на лавке. Сразу весь ряд подвинулся, давая гиляку место.

– Так где, говоришь, это мясо? – спросил Салов. Таркун молчал, делая вид, что не понимает. Он знал: исайские гиляки уверяют русских, что лоси ушли, как только стали подходить суда и стрелять из пушек.

– Ну, а что же ты мясо не довез? Может, съездить за ним? – спросил боцман Козлов.

Рослый казак Андриан Кузнецов, молодой, с мясистым свежим лицом, с толстыми ногами и огромной спиной, раньше всех управился и со щами и с кашей. Помолился на икону, подошел к кадучке, зачерпнул полный ковш воды и выпил до дна.

– Вот водица хороша, – сказал он, утирая рот и прокуренные пегие усы ладонью. – Спасибо, Кирша!

– Пейте, ребята, на здоровье, – сказал Кир Беломестнов. Он сегодня привез полную бочку пресной воды. – Пока речка Иска поит. А вот, однако, скоро лед накатит с моря, и эту речку до весны не сыщешь.

Пресную воду трудно добывать, как и тепло для людей, как корм для скота. В колодцах вода солоноватая, а часто и совсем соленая.

– Бывает же такая вода вкусная! Прямо совсем несоленая! Хорошо водой обед заглушить! Спасибо, казак! – подтвердил матрос Конев, тоже управившийся с обедом, принимая полный ковш из рук подобрившего Андриана Кузнецова.

Вечером оленья парка Таркуна лежала горой на нарах, а его новые торбаса валялись под столом. Гиляк босой сидел у вновь сложенной печи. Он сходил в тайгу с Коневым, Калашниковым и Беломестновым. На нартах притащили тушу зверя.

– Пусть остается ночевать, – говорили в казарме.

– Надо дозволение от поручика Воронова.

– Сегодня баня. Пусть помоеется.

– Можешь спать тут на нарах, места хватит, – стараясь сгладить свою вину, говорил больной старик Мокринский. – Сходи в баню, хорошо там! Для своего удовольствия!

Подобин пошел к капитану просить от имени команды позволения помыть гиляка и оставить его ночевать в казарме.

...В бане душно. Жар пышет от раскаленных камней.

Подобин плеснул ведро ледяной воды на каленые камни. Зашипело. Пар хлынул белой пеленой. В клубах его Подобин, Фомин, Конев. Таркуна потянули туда же.

– Ты совсем разденься, штаны-тоними, не бойся. Не стыдись.

– А теперь плесни на него горяченьким. Не бойсь, Таркун, смотри, мы уважение всегда сделаем. Да ты не кричи как резаный.

Таркуна вдруг принялись хлестать вениками.

– Чего дерешься? – заорал гиляк, понимая, однако, что ему стараются угодить.

– Ну и меня вениками, пожалуй! Ну-ка возьми и сам хлещи теперь меня, – сказал Подобин, давая гиляку веник. Гиляка опять окатили из ведра.

– Ты что? – не на шутку разъярился Таркун. Подобин нагнул ему голову и намылил лохматые волосы. Кто-то поливал, потом ветошью терли спину.

«Такое баловство с кипятком! – думал гиляк. – Можно заживо свариться».

– Давай с дресвой, а то не берет...

– Белеет уж, белеет...

– Домой приедешь, баба на тебя не налюбуется, – сказал Иван. – Не признает, скажет: чей такой молоденький?

– А ты, Ванька, волосатый, как медведь, – надевая подаренное новое белье, отшучивался Таркун в предбаннике.

«Зимой вымылся! Этого еще не бывало, – удивлялся он в душе. – Так терли и мыли, боялся, что сдерут кожу, зато теперь легко».

На другой день после молебна и пальбы из пушек и ружей солдаты и матросы прошагали по расчищенному месту казармы перед капитаном, потом стали и разошлись. Парад окончился.

«Капитан какой молоденький, – думал Таркун, – и ростом небольшой. Если начальник – старик должен быть обязательно, как у маньчжуров. Старый – умный, а молодой – еще дурак!»

Бывая тут и видя издали Невельского, Таркун всегда хотел с ним познакомиться.

Присутствовавших гиляков пригласили в казарму на угощение. Гиляки садились вперемежку с русскими за большой стол, сложенный во всю длину казармы из досок. Всем подали мутовки с кашей, а детям – леденцы и сухари. Тут же сидел рядом со стариками сам капитан и тоже ел кашу.

– А как пушки, всегда у вас заряжены? – спрашивал Ивана Масеева какой-то гиляк.

– Или как ружье – заряжается, когда надо стрелять? – приставал другой.

– По уставу! – отвечал Масеев.

– Что такое устав?

Устав нашелся у молодого солдата. Боцман Салов на днях велел ему выучить раздел: «Нижние чины и лошади».

Капитан после ужина позвал к себе некоторых гиляков.

Влезгун – патлатый, сутулый искаец лет семидесяти, с соловыми глазами, торговавший в зимнем стойбище водкой, – остался в казарме. Сидя рядом с Таркуном, он вспомнил Джонку-китолова, что придет летом и привезет много рому, тогда будет веселей, и что с Джонкой он кашу не ест. Матросы позвали Таркуна в свою компанию.

– Сыграем в дурака, – тасуя колоду, сказал Подобин.

Таркуну хотелось пойти к капитану. Но он сел играть в карты.

Четверо казаков взяли ружья и оделись в тулупы. Они выстроились перед казармой, и коренастый боцман повел их. У пушек сегодня двое часовых, у склада – один и у флага, где молились и стреляли, – тоже часовой. Часовые время от времени меняются. Все русские выпили по чарочке, но пьяных нет. В казарме у стойки с ружьями тоже стоит часовой и никому не позволяет трогать оружие.

Иван Подобин стал собираться с Таркуном к капитану. По дороге гиляк доказывал, что валенки – дрянь, а не обутки, ноги в них преют и от этого болят; ступню надо заворачивать в траву, и мороз не застудит. Есть такая теплая трава. Тогда обутки можно носить легонькие.

Вошли в сени к Невельским, очистили метелкой ноги. Вышла Дуняша, служанка Невельских. Шея у Таркуна вытянулась, стала тонкой, голова задрожала. За дверью слышны голоса. Сильно пахло табаком. Дуняша позвала капитана.

Быстро вышел Невельской. Распахнул боковую дверь в кухню, где горела свеча и где кто-то маленький, седой и курчавый возился с посудой. Дуняша прошла туда же, пособлять.

– А-а! Милости просим, – сказал капитан, обращаясь к Таркуну. Гиляк получше мог разглядеть теперь красные и белые кресты на груди и на шее капитана.

Подобин вытянулся.

– Подарка, подарка! – ласково приговаривал Таркун, доставая из-за пазухи соболью шкурку и протягивая ее капитану.

– К вам, Геннадий Иванович, приятель мой, – пояснил матрос.

Невельской подарок принял, обнял гиляка и поцеловал в обе щеки. «Верткий и ловкий сам как соболев, – решил Таркун, – лапы цепкие!» Капитан поблагодарил Подобина и отпустил, а гиляка повел в большую комнату.

Стол там сдвинут к стене. На полу, посреди комнаты, поджав ноги, сидели старые гиляки в нерпичьих шкурах. Капитан подвел Таркуна и предложил садиться. Лохматые старики потеснились. Таркун робко опустился. Капитан устроился на низком табурете. Рядом с ним Ездонок, важный старик из стойбища Пуир на устье Амура, неподалеку от деревни, где живет Таркун.

Все с трубками, дым валит клубами. То и дело руки тянутся к коробке с табаком.

Ездонок продолжал рассказывать. Переводил узколобий, горбоносый гиляк Паткен, здешний, из стойбища Иски. Большие верхние зубы у него выдались наружу так, словно он всегда смеется. Он служит у русских в экспедиции. По левую руку капитана – лицом в один цвет с гиляками – Воронин. Таркун знал его немного. К тому же вчера по его приказанию приказчик выдал Таркуну белье.

Ездонок на куске бересты рисовал ножом какие-то горы и берег моря с заливами, потом тропы.

Таркун, глядя на его большую круглую коричневую лысину, подумал, что не будет ничего хорошего, если придется просидеть вот так весь вечер среди стариков, где считаешься глупей всех, рта не раскроешь при таких злых медведях. Он решил при удобном случае убраться отсюда потихоньку в казарму к Ваньке Подобину, где можно опять сыграть в дурака.

Вошла та самая маленькая русская в шелестящих одеждах с цветами и с седыми волосами, которая возилась за дверью у плиты с девкой. Таркун испугался, но заметил руки молодые и нежные, держащие поднос с чашками. Он сообразил, что это, видно, жена капитана. «Зима, а на ней цветы, еще совсем молоденькая, а волосы как седые. Такие волосы у русских бывают даже у детей».

– Знакомься с гостем, Катя, – обратился к ней капитан. «Так, правильно, это Катя! – подумал гиляк. – Я угадал!»

– Я слышала, как вы в коридоре беседовали, – ответила Екатерина Ивановна, расставляя чашки. Одну она поставила перед Таркуном и, подвинув себе низкий табурет, присела подле мужа, желая слушать Ездонока.

Она прекрасно знала, что открыто экспедицией и что еще следует открыть, куда направлены поиски. Она знала карту края и представляла, что означают ее необъятные белые пятна. Она радовалась за мужа, он сегодня полон впечатлений. У него необыкновенная способность представлять себе широкую картину по отрывочным сведениям. Муж не раз говорил: «Главное, что должны непременно занять мы в этом краю и без чего на берегах океана у России не будет великого будущего, это гавани на юге. Пока они недоступны для нас. Эти бухты находятся южнее Де-Кастри и тянутся одна за другой до корейской границы».

Когда муж найдет средство разорвать путы, наложенные Петербургом на его руки, он откроет их. Он говорит, что со временем там будут белые цветущие города и отличные порты, там теплей и людям удобно жить. Туда явятся к нам все флаги со всего мира по океану. Именно о тех далеких бухтах, которые почти не замерзают, рассказывает сейчас Ездонок. Поэтому так светел сейчас взгляд мужа и он так бережно берет куски бересты из рук старика.

Да, у экспедиции есть цели дальние, только достигнув которых муж сможет считать свое дело исполненным. Он говорит: в будущем Сибирь – не ледяной мешок, не каторга, не проклятая страна, а преобразованный трудом и наукой цветущий край, преисполненный благами жизни, заселенный сотнями миллионов людей. Во льдах и снегах, в самом гнилом и туманном месте Охотского моря, где его держали петербургские трусы и чиновники, он мечтает и трудится для этого прекрасного будущего. Одновременно экспедиция достигает целей ближних, не менее важных и кладущих основу для достижения целей дальних.

В то время как на посту все силы собраны, чтобы сберечь людей и установить доброе соседство с гиляками, лучшие офицеры и служащие экспедиции – ее цвет и надежда – стремятся к этим целям. В чудовищные морозы они бредут среди лесов и снегов, по горам и замерзшим рекам, чтобы совершить необходимые открытия. С ними лучшие и самые смелые проводники – казаки, уроженцы Охотского побережья и безгранично преданные туземцы. Каждая экспедиция из двух-трех человек. Описываются реки. Ищутся пути по краю, идет торговля.

Ездонок поманил Катю, показал на свою трубку и на опустевшую коробку табаку. Катя принесла другую коробку, раскрыла и набила старику трубку. Ездонок в знак благодарности потрепал своей тяжелой рукой маленькое плечо хозяйки.

Вошла Дуняша с блюдом горячих лепешек. Это любимое кушанье гиляков. Берестяные карты убрали. Появился горячий чай. Разговор переменялся.

– Я очень рад, что ты зашел, – обратился капитан к Таркуну. – Я слышал, что ты дружен с Подобиным и бываешь у него. Откуда ты, из какой деревни?

Молодой гиляк широко улыбнулся и подсел поближе. Оказавшись рядом с Катей, он покосился на цветы, украшавшие ее платье, почувствовал запах цветов. Но не может быть сейчас цветов. Это все так сделано, и даже запах русские подделали.

Невельской спросил Таркуна, откуда он. Гиляк ответил, что живет на острове Лангр, неподалеку, объяснил, что от материка идет эта длинная песчаная коса, где стоит пост, потом узкий пролив и очень длинный узкий остров Удд, как продолжение косы, потом опять пролив и остров Лангр, это уж в лимане великой реки, Невельской это и сам знал. Таркун снова посмотрел на цветы на платье.

Екатерина Ивановна заметила его любопытство и спросила:

– У тебя есть жена?

Паткен перевел.

– Да, есть жена, – ответил Таркун.

– А ты любишь свою жену? Она красивая? – чуть клонясь к Таркуну, вдруг спросила Катя на чистом гиляцком языке.

Гиляки остолбенели. Старый Ездонок закашлялся, как бы поперхнувшись. Таркун был поражен и вытаращил глаза, морща лоб. Катя смотрела ожидающе, а глаза ее цвета морской воды становились все нежней и мягче, но, кажется, это притворство, она подсмеивалась над мужчиной.

– Красивая! – гордо ответил Таркун. Его открытое и смелое лицо вспыхнуло; оно понравилось Кате выражением достоинства.

– Но почему не скажешь, любишь ли ее? – Еще нежней стали ее глаза.

– Конечно, люблю! – вдруг побледнев, решительно ответил гиляк, зная, что позорит себя перед стариками.

– Тогда возьми для нее вот это. – Маленькие руки Кати быстро откололи одну из веток искусственной сирени, что присланы были фирмой «Герлен» в Иркутск из Парижа еще к прошлому осеннему сезону вместе с платьями, тафтой и выкройками.

Таркун взял цветы на обе полураскрытые ладони, посмотрел не на цветы, а на Катю.

– Почему ты не привез свою жену? Разве вы не берете с собой жен, когда едете в гости? – продолжала Катя, с трудом подбирая слова и обегая взглядом стариков, как бы принуждая их участвовать в разговоре. Но это был солидный народ, что-то вроде отставных генералов, уволенных с мундиром и пенсией.

– Берем! – неохотно ответил Ездонок.

– Конечно, берем! – выручая мрачных деловых людей, сказал Таркун.

– Ведь ей скучно без тебя. Она красивая и тебя любит, – кокетливо продолжала Катя по-гиляцки. – Не правда ли? В следующий раз, прошу тебя, привези ее с собой, – добавила она по-русски, и Паткен снова все перевел.

«Слушают с таким видом, будто им по шее наклали», – подумал Невельской про своих поникших гостей.

...Было поздно, когда гиялки дружески простились, обнимая и целуя хозяина и хозяйку.

За окнами выл ветер. Стужа на дворе все сильнее. Дуняша только что закрыла печи, и от них пышет жаром. Девушка укладывалась на кухне, на кровати за пологом. Под окнами ходил часовой.

– А в Петербурге сегодня парад, балы, торжество! – сказал Невельской, проверяя на ночь свои пистолеты. – А ты, мой друг, подавала чай моим приятелям и набивала гиялцкие трубки!

Но Екатерина Ивановна счастлива и не скучает о далеких балах.

Жизнь гиялков ужасна! Она уже рассказывала мужу, что у гиялчек бывают странные обычаи. Оказывается, женщины в казарме давно знают об этом. Второго мужа гиялчек они называют «половинщиком». Говорят, что этот же обычай знаком им прежде, он существует у народов Охотского побережья и на Аляске.

У жены гиялка Паткена половинщик – брат мужа. К одному из гиялков напрашивался в половинщики казак Андриан Кузнецов, обещая построить избу.

Геннадий Иванович тоже слышал что-то подобное от миссионера Иннокентия, когда встречал его в Аяне.

«В самом деле, – думает он, – честь России не только в том, чтобы поднять тут флаг, устраивать парады и праздновать царские дни! Жена права! Но кто из нас сможет оказывать влияние на гиялков? Пока что мы должны лишь не благодетельствовать их насильственными благодеяниями».

А из казармы доносится пение хора. Там женщины одеты празднично, в белоснежных платочках, красавица Алена, верно, выплясывает... Прибежала худая веселая Матрена Парфентьева в платке. Она в сарафане с расшитыми белыми рукавами и нарумянена. Стала рассказывать, что гиялки пришли от капитана очень довольные и гуляют, а Иван Подобин учит Ездонока танцевать камаринского, и вся казарма помирает со смеху.

– Идем, Катя, посмотрим! Да и сама спляшешь.

Через некоторое время в обмерзшую дверь вошла Алена Калашникова, белокурая, румяная, в седых висках и ресницах: видно, надышалась на морозе. Она под пуховой шалью, в красном сарафане.

– Катя, идем! – сияя от радости, сказала она. – Да и вы, Геннадий Иванович, погуляйте с нами в праздник. Закрывай избу, айда, – сказала она Дуняше, – споете с Иваном-то, Геннадий Иванович, порадуйте команду... Да и на кадрель нам кавалеров не хватает! – бойко глянула она на капитана.

Геннадий Иванович и сам не прочь был. Он живо накинул полушубок. Кадрель так кадрель!

– Айда, Алена, да зови Харитину Михайловну.

За дверью кто-то говорил с часовым, видно провожатый Алены, вот и надышалась она, что ресницы закуржавели.

...Утром гиялки разъезжались.

– А ты тут один хозяин или еще, кроме тебя, есть купцы? – вдруг спросил старый Ездонок у Невельского.

– Тут все купцы. Мы торгуем порознь. Но товар держим вместе, – ответил Невельской.

– А-а! Ну, это хорошо!

Глава третья. Возвращение Чихачева

– Николай Матвеевич приехали, – всплеснув руками, воскликнула на кухне Дуняша. – И Алексей Петрович с ними! И Афоня! Все живы-здоровы!

Екатерина Ивановна кинулась к протаявшему на солнце кружку на окне. Невельской схватил шапку и выскочил на мороз. Вскоре он вернулся с приехавшими.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна... – говорил, энергично поворачиваясь всем корпусом, высокий бородатый худой юноша офицер. Нос у него прямой, немного вверх, от этого выражение лица несколько гордое и заносчивое. Губы детские, пухлые, голову он держит гордо. Приказчик Березин живо скинул доху, а Чихачев не мог.

Дуняша стала помогать Николаю Матвеевичу раздеваться, стаскивала узкие, заиндевевшие, словно приросшие рукава тулупа. Геннадий Иванович отдавал распоряжение унтер-офицеру и приказчику Боурову принять привезенные меха и устроить каюров.

– Простите... Я сам... – сказал Николай Матвеевич, заметив, что Екатерина Ивановна хочет помочь. Не позволяя ей принять тулуп, Николай Матвеевич положил его на руки служанке.

Мичман Николай Матвеевич Чихачев, рослый, пышущий здоровьем, осенью поступил в экспедицию с крейсера «Оливуца». Сейчас он заметно осунулся, лицо обросло густой темной бородой и пожелтело, щеки запали. Его синие, когда-то веселые глаза кажутся больными, куртка на нем висит, как на вешалке. Входя в комнату, он стал неловко расстегивать сумку одеревеневшими от холода руками. Его спутник Алексей Петрович Березин мало переменился. Только лицо в светлой бороде опухло и почернело. Это от морозов или, быть может, от копоти очагов и костров.

– Полтораэта штук соболей и шестьдесят четыре лисицы, Геннадий Иванович! – воскликнул приказчик, поглядывая на стол, куда Невельской уже поставил графин. – Но трудно с маньчжурами тягаться! Ничего не скажешь! Я их еще по Кяхте знаю. Они водкой действуют!

Из кухни доносился треск дров в плите, там забулькали, падая в кипяток, мороженые пельмени.

– Вот карты, Геннадий Иванович! – Чихачев вынул пачку бумаг, развернул одну из них на столе. Он стал рассказывать.

Вошел проводник Афанасий, коренастый тунгус с суровым выражением лица и быстрыми глазами.

– Жаль, что я прерываю вас, господа, но теплая вода готова и сейчас будет обед, – выходя из кухни, сказала Невельская, обращаясь к Чихачеву. – И я тоже хочу слышать ваши рассказы, Николай Матвеевич!

Чихачев почтительно склонился, втайне вспыхнув от этих слов. Он даже щелкнул унтами друг о друга, так, словно на них были каблуки.

Екатерина Ивановна поставила две тарелки с тонко нарезанными ломтиками соленой рыбы и холодного мяса.

– Где же вы это ездили? – расспрашивала на кухне Дуняша умывающегося мичмана. – И что это вы так похудели, Николай Матвеевич?

– Были там, Дуняша, куда Макар телят не гонял, – с удовольствием умываясь, ответил Чихачев.

Березин захватил пальцами уголек в плите, закурил трубку и дал закурить Афоне. Когда вернулись в комнату, на столе уже дымились большая миска с пельменями.

– Не помереть бы нам с непривычки от такого обеда, – заметил Березин. – Как думаешь, Афоня?

Тунгус ел молча, только глаза его сверкали от удовольствия.

Николай Матвеевич был в ударе, рассказывал все со спокойствием и знанием дела. Он объяснил, что достиг селения Кизи на берегу протоки, ведущей из Амура в озеро Кизи, и описал часть озера и протоку.

– А до Де-Кастри не удалось?

– Нет, сил не стало, продуктов не хватило!

По сведениям, полученным от туземцев, подтверждается, что озеро Кизи находится очень близко от морского залива Нангмар, который, очевидно, и есть залив Де-Кастри, описанный Лаперузом. Гиляки утверждают, что этот залив освобождается ото льда гораздо раньше, чем залив Счастья, и замерзает на полтора месяца позже его.

От стола с лежащими на нем черновыми картами Невельской перешел к большой карте на стене, куда заносился каждый вновь открытый пункт. Эта карта в большей своей части бела.

Геннадий Иванович снял ее с гвоздей, продетых в ушки, и наложил на письменный стол, стоящий в углу. Карандашом быстро и слабо, как художник, делающий первый эскиз, стал набрасывать протоку и берег озера Кизи, потом изгибы реки и деревни с названиями. Целая цепь их потянулась вниз, – видно, не терпелось скорей заполнить белое пространство. Он умело соблюдал масштаб, так что Чихачев и Березин любовались: верно получалось.

– Одна деревня только не на ту сторону попала, Геннадий Иванович, – заметил приказчик.

Невельской спросил, кого из знакомых встречали и хорошо ли гиляки в тех местах принимали. Березин сказал, что на озере Кизи живут гиляки иного племени и называют себя мангунами, у них почище дома и сами полюбезней.

– А выдавали вы себя за самостоятельного купца?

– Как же, Геннадий Иванович! Николай Матвеевич был особый купец, и у него товар свой, а я сам по себе. И товар держали мы порознь, и друг у друга старались покупателей перебить. Все было, как вы велели. Да с ними иначе и нельзя.

– Проводники не проговорились, что товар казенный или компанейский?

– Ни боже мой! Они были наши приказчики, и я рассказывал гилякам, что у меня товар лучше, хоть и меньше приказчиков, чем у Николая.

Невельской чувствовал, что Березин все его распоряжения исполняет с охотой и даже с энтузиазмом.

– А угощали покупателей?

– Как же! Это уж как принято. Но тут водки много не идет на угощение. Туземцы приучены пить из маленьких чашечек. Маньчжуры напаявают их допьяна и берут меха дешево. Мы водки не давали, но угощали и дарили подарки и норовили продать ситец и железо, сукно, чтобы они поняли разницу нашего товара с маньчжурским. Николай Матвеевич даже в одном месте лепешки пек. Где это было, да не на самом ли Кизи?

– Совершенно верно!

– На это мы не скупилась!

– А встречали маньчжуров?

– Как же... Да только, по правде сказать, – хитро прищурился Березин, – купцы из нас, если сравнить с ними, оказались неважные.

– Чем же? – встревожился Невельской.

– Товару маловато! Уж я гиляков удивлял красным сукном! Живо отбил покупателей от маньжуров, и те сами прибежали смотреть, схватились за кусок руками, кричат, мол, отдай.

– Отдали?

– Как же! Но не все! Часть! Остальное – гилякам. Да хватило только на три деревни. Один из маньжуров крепко обиделся на нас и затаил зло.

– Кто же такой?

– Зовут его Мунька, а правильное имя – мне его товарищ сказал – Чжан Синд или Чжан Син. Настоящий маньчжур, породистый, с рыжими усами. Китайцы черные все, а этот бело-брысый. У него резиденция обычно в деревне Вайда, неподалеку от нашего Николаевского поста, но он приезжает из Маньчжурии и ездит далеко. У него работники с собой, и в кабале держит он много должников. Гиляки – народ горячий, чуть что – за ножи, но он умело обходится с ними! Соболя возьмет чуть не даром, но побрякушек даст в подарок и угостит – мол, это сверх цены, и гиляк доволен, про нож забыл и валится пьян. Бывает Мунька и здесь, у него должники на Удде, совсем рядом, и с исайскими он прежде торговал. Но мне сказал: мол, разве вам мало, если вы торгуете на Иски, зачем же пришли торговать сюда? А как увидел, сколько мы товару даем за соболя, так чуть не лопнул от злости.

– А вы?

– Я продал и ему товару. Мне мало важности! А потом он разошелся и стал бузить, так я чуть ему не поднес кулак к носу. Спасибо, Николай Матвеевич вовремя удержал меня. Как же Муньке не сердчать, когда ему разорение: так дурить гиляков больше ему не приходится, как прежде.

– Значит, товар наш берут хорошо?

– Смотрите по соболям! Да вы сами, Геннадий Иванович, торговали здесь, знаете. На Тыре вас помнят. Даже слишком наш товар хорош для гиляков.

Березин бывал на Кяхте, встречался и с китайскими торговцами, служил у купцов в Иркутске, потом торговал в Якутске в компании, торговал и в городе и вразвоз, бывал на факториях.

Приехав в Петровское на службу в компанейскую факторию, он поразился, как умело ведут дела некоторые маньчжурские торгаши на Амуре. И еще тем, какие распоряжения отдал ему Невельской и как он стал торговать компанейским товаром по своему усмотрению, вопреки всем инструкциям, и того же требовал от Березина. Приказал всем офицерам в разъездах называть себя самостоятельными, независимыми от фактории торгашами.

Березин понимал, что маньчжуры – опасные соперники и что у них есть козырь – водка, чего нет у нас. Соперничать с ними можно, лишь торгуя товаром хорошим. Но дурак и хороший товар отдаст и в дураках останется! Еще нужно и уметь. И Березин постарался, и Чихачева учил, как лучше действовать. Невельской доволен. Соболей привезено гораздо больше, чем предполагалось.

Недаром обсуждали всю осень, как торговать. Немало помог своими советами пятидесятилетний прапорщик Дмитрий Иванович Орлов, который прожил среди гиляков два года и еще прежде бывал тут у них. Теперь и он путешествует в качестве купца по тайге, торгует и делает опись. Как-то у него идут деда?

Вошел боцман Козлов.

– Что тебе? – спросил капитан.

– Баня готова... Да, каким мылом прикажете каюров мыть, ваше высокоблагородие?

– То есть как – каким мылом?

– Да приказчик Боуров спрашивает, мол, казенным или компанейским? А если, мол, компанейским, так чтобы я прислал письменное требование.

– Вот видели, Николай Матвеевич, какую мы бюрократию продолжаем здесь разводить, – обратился Невельской к Чихачеву. – Да это не просто бюрократия: Боуров в бюрократии видит проявление патриотизма! А ну, Боурова сюда. Это все протест против меня. Разве я не понимаю. Эх, компанейские питомцы!

Козлов, уходя, похлопал дверью, которая не закрывалась, почистил ее чем-то и наконец притворил.

– Служащие Российско-американской компании в Аяне с Кашеваровым во главе все время внушают своим приказчикам, – тут Невельской кинул строгий взгляд на Березина, – что не лавка для экспедиции, а экспедиция для лавки!

«Если это в мой огород, то совсем напрасно, – подумал Алексей Петрович Березин, – что я и доказал! Очень уж пылок наш Геннадий Иванович».

Пришел приказчик. Невельской принялся отчитывать его. Березин обернулся к двери и хитро подмигнул Боурову.

Когда ушел приказчик, Невельской сказал, что новая экспедиция должна из бассейна Амгуни перевалить через хребты в бассейн реки Горюн... И он заговорил про такие далекие и глухие места, о которых Николай Матвеевич слышал только мельком.

«Ему легко строить подобные планы, – с обидой подумал мичман, идя от Невельских. – Но что все это значит? Не меня ли Геннадий Иванович в новую экспедицию собрался послать? Нет уж, довольно! Неужели он не понимает, что я устал!» Не раз Чихачев проклинал себя, что ушел с «Оливуцы» и остался на берегу, и давал зарок, что никогда больше не пойдет в сухопутные экспедиции. Еще сегодня он как-то постеснялся свои претензии выразить. Екатерина Ивановна восхищалась, слушая его рассказы, и он почувствовал при ней себя героем.

После бани Николай Матвеевич и Березин отдохнули у себя в офицерском флигеле, отдали белье в стирку. Вечером снова были у Невельских.

Пришла Орлова, темно-русая, совсем молодая женщина в пуховом платке и в ватной телогрейке. Она из якутских мещан. Муж ее, Дмитрий Иванович Орлов, ищет каменные пограничные столбы, якобы поставленные маньчжурами под Становым хребтом. Об этих столбах идет спор в науке, в Географическом обществе, в министерстве у Нессельроде, а гиляки, когда их об этом спрашиваешь, смеются и говорят, что ничего подобного не существует.

Пришел штурманский поручик Воронин, как всегда серьезный и скромный. Он в ватной куртке и валенках.

А вслед за ним появился доктор Орлов, однофамилец Дмитрия Ивановича. Ему за сорок, у него обрюзгшее лицо в морщинах, с мешками у серых глаз, и усы, переходящие в тронутые сединой бакенбарды. Доктор только что вернулся из селения Коль, куда ездил лечить гиляцких детей.

К чаю Екатерина Ивановна успела испечь пудинг из риса, который привез Березин от маньчжуров. Орлова принесла сибирское кушанье собственного приготовления – сбионы – давленные ядрышки кедровых орехов.

К вечеру ударил сильный мороз. Екатерина Ивановна тоже надела ватную куртку. В комнате прохладно, в такую погоду почти невозможно натопить дом. В казарме, где живут сорок человек и непрерывно топят два чучала, гораздо теплей. Простой народ умеет согреться и приспособиться. Там топят всю ночь, стены завалены снаружи снегом, казарма как бы закутана. Екатерина Ивановна любит зайти туда. Но и там стены из сырого леса и между бревен намерзает лед.

Слушая своего начальника, Березин хитро шурился.

«Но на кого же Геннадий Иванович рассчитывает? – думал Николай Матвеевич. – Кто будет исполнять все эти неисполнимые планы? Там, куда Невельской метит, нет ничего – безлюдье, пустыня лесная. По Амуру ехали, так хоть в деревнях ночевали, и то еле живы, а в тайге с голоду погибнешь».

Екатерина Ивановна заметила, что Чихачев чем-то недоволен, но не догадывалась о причине и по-прежнему смотрела на него с восхищением.

Вдруг Чихачев заметил выражение ее лица. Как электрический ток прошел по нему. Он взглянул на себя ее взором и подумал: в ее глазах ведь он герой! Быть может, действительно для него нет ничего неисполнимого, ведь это только иногда кажется, что не выдержишь. Мало-

душие какое-то! Мысль эта вдруг воодушевила Николая Матвеевича. Как и каждый молодой офицер, он втайне не раз мечтал совершить подвиг.

– Но снабжение и снаряжение нашей экспедиции, Геннадий Иванович, – смело заговорил Николай Матвеевич, показывая, что не желает сдаваться сразу, – поставлено было из рук вон плохо. Мы торговали и угощали, а сами вернулись голодные и еле живые.

Незаметно для себя Чихачев в этот вечер оказался втянутым в рассуждения о планах нового похода и даже стал развивать мысли, что и как лучше сделать.

– И нельзя брать с собой в такую дальнюю дорогу большой груз товаров и продуктов.

Невельской желал послать две экспедиции: одну через горную область, а другую, с тремя-четырьмя нартами товаров и с продуктами, – по Амуру.

– Первая будет исследовать, – говорил он, – а вторая – производить расторжку и мену и будет обозом первой. Чтобы видели: страна наша, мы все время ездим по краю, заботимся о безопасности жителей! Для этого взять с собой вооруженных казаков. Одного, посмышленей, назначим вторым купцом, и будто бы вы, Алексей Петрович, путешествуете с ним в компании, но опять товар порознь. Назначить пункт, где встретитесь с Николаем Матвеевичем, когда он выйдет из тайги. Вот вам и не придется, Николай Матвеевич, тащить с собой на Амгунь и оттуда через хребты груз товаров и продуктов. Получите пополнение от Алексея Петровича на Амуре и дальше пойдете вместе в Де-Кастри, снабженные вполне!

«Он уже назначил меня и Березина в начальники экспедиции и маршрут придумал!»

Невельской пошел к карте и стал говорить, что это только начало и он пошлет еще одну, третью экспедицию – на Сахалин.

– К Рождеству вернется Дмитрий Иванович. Бошняк будет нашим гостем. Мы, господа, соберемся все вместе, наши представления о крае станут полней, и мы отдохнем и повеселимся. Заодно и решим, обсудим все сообща, куда и кто пойдет.

«Вот бы куда мне! На Сахалин! – подумал Николай Матвеевич. – Рядом Япония! Роскошный, как слышно, остров!»

– Я бы на Сахалин с удовольствием!

Екатерина Ивановна тут заметила, что хорошо бы приготовить на праздник домашний спектакль, разыграть комедию.

– Да, – согласился Невельской, – теперь начинается самое трудное, пуржливое время года, и раньше чем через месяц после рождества никто никуда не тронется.

У Чихачева на душе отлегло. Право, стоит, как Екатерина Ивановна предлагает, разучить «Женитьбу» или еще лучше сцены из «Ревизора» и тем временем обдумать все хорошенько.

«А Геннадий Иванович хитер, хоть и запальчив, – думал Березин, – знает, чем приманить нашего брата». Похоже было, что все экспедиции Невельским давно обдуманы.

Глава четвертая. Торговля

Утром Невельской пошел в магазин. Светало, и снега косы, залива и моря слились в сплошной синеве. Нынче зима снежная, и вся коса выросла аршина на три.

Пост раскопан, как открытый разрез с ходами на руднике, и на дне его – дома. Местами укатаны съезды для нарт и лыжников. Внизу тихо, не страшен ветер, когда подует с моря, и мороз не так бьет людей. Над снежным городком торчит вышка с флагом и часовым.

«От снега теплей!» – говорят казаки.

К старому, выгашенному на берег бригу «Охотск» ведет ход в сугробах. Вокруг – завалы снега, а за ними вдаль – заструги по всей косе.

На судне каюты, в том числе и капитанская, разгорожены, переборки между ними сняты – образовалось обширное помещение. С потолка, как огромное меховое одеяло, свешивается сплошная мохнатая стена из полномерных лисиц. При свечах работают приказчики. Тут же двое гиляков.

Березин и Боуров рассматривают на прилавке каждую шкурку, сортируют соболей. На небольшом столе стопка бумаги, чернильница, счеты и большая книга. Боуров время от времени записывает число и сорт принятых шкурок.

Тепло. Топится железная печь. По стенам – полки с товарами. В соседнее помещение открыта дверь, там, в бывшей жилой палубе, виднеются бочонки и шкуры больших зверей: медведей, лосей и тюленей. В трюме тоже полно звериных шкур.

Гиляки – соседи, приехали с острова Удд. Они соблюдают порядок и с любопытством смотрят и ждут, когда приказчики закончат дела и займутся ими.

Когда вошел капитан, они поднялись и обняли его по очереди. Таков гиляцкий обычай. Геннадий Иванович строго его придерживается, что нередко вызывает насмешки некоторых его подчиненных.

Торг на посту ведется компанейским товаром, и от компании присланы приказчики «в распоряжение начальника экспедиции», как просил Муравьев.

Магазином и всем торгом заведует Дмитрий Иванович Орлов, один из офицеров экспедиции, находящийся и на компанейской службе, как и все участники экспедиции. В правлении Российско-американской компании в Петербурге, а также в Аяне, где находится важная фактория и склад для пушнины, прибывающей из Аляски, считают, что в Петровском главное – магазин, а не экспедиция. А экспедиция только для охраны торга. Но Невельской подчинил магазин экспедиции, отстранил Орлова от управления торговыми делами и занимается ими сам, требует от приказчиков полного и беспрекословного подчинения. Цены он меняет и твердит, что всю ответственность берет на себя.

– Когда приехали? – спросил капитан у гиляков.

– Вчера, – испуганно ответил добродушный, толстый Мемзгун.

– Вчера на магазин ходили, – сказал, как бы оправдываясь, другой гиляк, Хурх.

Он тоже невысок ростом, лохматый, черный, как жук, с редкими усиками и с пристальными глазами, черными как угли.

– Как раз магазин закрывали, – добавил он, кивая на Боурова, – наша не попали!

– Ночевали деревня! – пояснил Момзгун.

– Имя в охотку! Сами рады поглядеть и у нас пожить, – сказал черноусый молодцеватый Боуров.

Невельской покосился на приказчика.

– Дивные меха привезли, вашескорodie!

– А ты опасался, что товар зря транжирили. Вот теперь напиши в Аян, что не даром хлеб едим.

– Всегда напрасно укоряете, Геннадий Иванович. Я ведь человек подневольный.

Боуров, несмотря на все распоряжения Невельского, оставался верен своему долгу и пытался, сколь возможно, отстоять то, что требовалось данными ему от компанийских служащих инструкциями.

– Смотрите, Геннадий Иванович! – воскликнул Березин, растягивая перед огнем черную шкурку. – Смотрите, какой мерный! Тигр, а не соболя! Вот зверина! Черный... А посмотрите, какая ость. – Березин дунул в мех, который открывался воронкой под струей воздуха, обнаруживая густой волос. – Какая-то мамзель, купчиха ли напялит на себя! Как полагаете, Геннадий Иванович? Куда этого соболя вывезут? Этот сорт называется у нас «баргузинский». В верховьях Амгуни, говорят, высокие горы со снегом! Там в холоде роятся такие, в хребтах.

Невельской присел на табуретку, угостил гиляков табаком и сам закурил трубку.

– Твоя лавка? – спросил свирепый Хурх.

– Моя.

– Богатый! – похлопал Момзгун по плечу капитана. – Хозяин?

– Хозяин.

– И он тоже хозяин? – кивнул гиляк на Боурова.

– Тоже хозяин!

У гиляков был такой вид, словно им чего-то надо от Невельского. Он догадывался, дело обычное.

– А как ты нерпу зимой бьешь? – спросил капитан Хурха.

– Копьем!

– И стрелой. Или такой штука тоже есть, такой маленький, потом есть еще большой... – сказал Момзгун.

Видя, что капитан на этот раз угощать их не собирается, гиляки стали поглядывать на полки.

– Покажи вон тот красненький, – сказал Момзгун.

– Боуров, снимите для них сукно.

– Они надоели мне, Геннадий Иванович! Сами не понимают, чего хотят, – ответил приказчик. – Красное сукно ему брать не на что, это товар не по нему-с. А что я ему предлагаю – он не берет. Чуть ли не весь магазин для него перерой, а мне некогда, сами видите, – добавил он с раздражением.

Невельской поднялся, и не успел Боуров опомниться, как уж он достал с верхней полки кусок сукна и кинул его ловко, так, что оно частью развернулось по прилавку. Гиляки поднялись и с серьезным видом стали трогать сукно.

– Только зря замарают! – как бы оправдываясь, пробурчал приказчик. – У тебя не на что это покупать, – вразумляюще сказал он гиляку. – Вот миткаль, это по тебе!

Боурову казалось, что Невельской зря хвастается и упрекает его, выказывая себя заправским торгашом.

Березин мотнул головой, подмигнул товарищу, как бы предостерегая его. Но Боурова трудно остановить.

Капитан стал кидать драдедам, а потом плис, ситец. Волны материи бушевали на прилавке.

– Позвольте уж я, – засуетился Боуров.

Гиляки достали двух лисиц из мешка, и торг состоялся.

– Запишите все, Боуров!

Капитан повел гиляков к себе. Момзгун и Хурх после обеда укатили домой.

– Как же можно этак обращаться с покупателями! – говорил Невельской, явившись к приказчикам. – Да вы в своем уме? Маньчжур при торге непременно угощает их, одаривает мелочами и всячески ухаживает. Вы-то, Алексей Петрович, знаете это отлично.

Алексей Петрович Березин молчал, показывая, что тут дело не его и он вмешиваться не собирается. Он – разъездной торгаш. Лавка – дело не его.

– Так мы отгоняем от себя покупателей!

– Я не могу разорваться. Какой прок в их лисах, пока вон сколько товару надо убрать. Да и лисы их не так уж хороши! – возразил Боуров.

– Да разве дело в лисах! Умейте взять хорошие меха, но умейте и на риск идти. Ему нужно – дайте, он оплатит в другой раз. Но не оскорбляйте! Как мне вам в голову вбить, что экспедиция не может ограничить свою деятельность извлечением прибылей для Компании. Поймите раз и навсегда: каждый, кто приходит к нам, должен уйти нашим другом. В этом смысл.

– Я этот смысл не могу послать вместо отчета в Аянскую факторию! – раздраженно ответил Боуров. – Товары все на мне в этой лавке, и я ими распоряжаюсь!

– Я здесь капитан, как на судне среди океана, и распоряжаюсь всем я и могу отстранить вас и судить военным судом! И отвечаю за все я! Извольте подчиняться! Извольте не портить мне отношений с туземцами, не знакомить их с вашим отвратительным компанейским бюрократизмом!

– А если, может быть, являются те, кому не на что купить?

– А вам-то какое дело? И в этом случае извольте шевелиться, все показать добросовестно. И я буду следить и взыскивать с вас, если мое распоряжение не выполните. Извольте угощать их, на это средства вам указаны, и я представил вам мое письменное распоряжение! Каюрская изба к вашим услугам, и не посылайте их ночевать в деревню, они наши гости. Это их обычай, мы должны его придерживаться. За нами такая сила, как наш товар, не сравнимый ни с чем для них! Так умейте воспользоваться выгодой, отбросьте раз и навсегда эту надутую важность, гиляк такой же человек, как вы! И как я! Верно, Алексей Петрович?

– Это как вам будет угодно, Геннадий Иванович, – отвечал Березин.

– Вот так-то, господа! Поймите, что мы и Компанию вашу не оберем, так как соболя тут слишком дешево и мехов много. Но дайте народу избавление от маньчжурских купцов и не уступайте им, а то на этом сыграют, и нам может прийти плохо.

– Поначалу малая была торговля, – говорил Невельской, придя к себе домой, – а теперь все больше, и мы весной отошлем с первым судном большую партию отличных соболей. Подлю это, как подумаешь, что трудимся для акционеров Компании, да что поделаешь... Гиляки очень довольные уехали, а Боуров – бюрократ, вчера даже разговаривать с ними не стал и не пустил в магазин! Проклятые нравы! Гиляка надо понять, для него торговля – отрада. Но ему хочется иметь свободу выбора, он то к одному купцу пойдет, то к другому и тоже ищет выгод. Поэтому они боятся сговора купцов, то есть монополии, которая им ненавистна, и они хоть и дикари, но отлично понимают, что это такое. Они у меня всегда спрашивают, кто у нас хозяин, кто работник, почему, мол, ты говоришь, что вы друг другу чужие, а товар у вас лежит вместе. Видишь, до чего они додумались! Они знают, что в верховьях реки маньчжурские купцы составили компании, поделили речки между собой и закабаляют гольдов, так что тем и некуда уйти, если бы и захотели. На них из Китая движется опасность, и они это понимают и боятся, не с тем ли и мы приехали. Они уже говорили мне, что маньчжуры устанавливают цены общие и между ними, видно, здесь готовится тайный сговор, но гиляки им не хотят поддаваться, грозят ножами и стращают, что перестанут маньчжуров пускать в свою землю! Не хотят монополии, которой боятся, как огня, хотя и не читали газет. Только бы мы с умом действовали и торговля налаживалась бы у нас и с ними, и с маньчжурами.

Невельской рассказывал жене, как в сорок девятом году впервые сошелся с маньчжурскими купцами и еще в то лето наблюдал их торговлю.

– Первое их преимущество – водка. Действуют беспощадно, угощают покупателей, при продаже разводят ее или что-то добавляют, отчего пьющий совсем дуреет. Второе – знание

гиляцкого языка и обычаев. А у нас ты единственная во всей экспедиции, кто добросовестно учит его... Еще Иван Масеев.

– Да Дмитрий Иванович знает.

– Но без тунгусов или Чумбоки и он никуда. Хорошо, что соседи наши сами быстро выучиваются по-русски. Как действуют маньчжуры? Купец придет в гости, рассказывает новости: о богдыхане, о войнах, о торговле. Тут потом в ход идет все: и сплетни городские, и небылицы, и все, что делается в соседних державах, и как бы о военных маневрах! Гилякам это нравится, дает пищу воображению. Купец дарит им разные мелочи, уверяет, что привез для них из Китая нарочно подарки, не забудет жену, детей. Еще угощает... Меха скупает по дешевке. Но если надо – дает в долг и понемногу закабальет. Он становится необходимым. Как такому откажешь? Позь мне много рассказывал и Чумбока тоже. Тягаться трудно, если будем действовать как бюрократы! И куда только маньчжуры не добираются! Мунька ездит на Коль, на Сахалин. Но у них есть способы, которые нам трудно перенять. Туземцы страдают от них, но без них не могут. Трудно нам тягаться, но я добыю своего.

На другой день прикатил с Удда Тятих, такой же маленький и толстый, как Момзгун. Явился прямо к Невельскому, поцеловал его, попил чаю и попросил показать тот товар, что вчера покупали его товарищи.

Невельской послал за приказчиком, и вместе пошли в магазин.

– Да он не возьмет ничего! – сказал Боуров, показывая то один кусок, то другой.

– Не наше с вами дело! Обязаны показать все, что просит.

Тятих заставил снимать сукно с верхних полок, щупал и потом сказал, что брать ничего не будет.

– У меня на них есть нюх, Геннадий Иванович, – сказал Боуров с гордостью.

– Возьми в долг! – сказал Невельской гиляку.

– И в долг не надо!

– Если бы не ваше приказание, Геннадий Иванович, хоть вы меня всегда упрекаете, – сказал Боуров, видя досаду на лице капитана, – то я бы дал ему такого пинка, что он бы летел через трап и еще на три сажени в снег вошел.

– Не смейте!

– Разве я не понимаю, Геннадий Иванович! Я всегда вас понимаю, и даже политичность ваша понятна, и обхожусь поэтому с ними ласково, а совсем не так, как они заслуживают. Вот вы сравниваете торговлю нашу с маньчжурской. Да разве можно! У маньчжуров нет ничего хорошего, кроме шелков и дабы синей. Крупа? Да грош ему цена, их пшеницу. А мы даем ситец, сукно, скобяной товар, инструмент! Эх, ты! – с презрением сказал он Тятиху. – Так ничего не берешь?

– Не-тю! – ответил, свирепо хмурясь, одутловатый широкогрудый гиляк и поспешно улыбнулся.

– А ведь считается у них богачом! – сказал Боуров. – Вон и шапка отделана соболем и хохотунчик из выдры. Они ведь, как маньчжуры, ценят выдру дороже соболя.

Гиляк, улыбаясь, поцеловал и приказчика, и Невельского и уехал.

– Вот, видели его! Перерыл всю лавку, да и был таков. Но я бы не посмотрел, что он богач! И как вы, Геннадий Иванович, благородный человек, позволяете себя целовать дикарю?

На другой день явились гости издалека. Во главе их старик Чедано, знакомый Невельского с лета прошлого, пятидесятого года. Этим пришлось угощать как следует. Их поместили в каюрской. Там теперь поставлен еще один очаг, сделаны нары, столы, табуретки, есть котел для приготовления пищи. Паткен там топит печку, хозяйничает и готовит гостям пищу.

Чедано привез подарки: свежее мясо оленя, меховые торбаса Невельскому и рукавички его жене.

Невельской водил Чедано с его приятелями в магазин. Боурову пришлось опять все показывать. Невельской отдал гиляка табаком, бусами и материей.

Чедано плохо говорил по-русски, поэтому пришлось вызывать казака Масеева. Обычно переводит Позь, умный и грамотный гиляк, который сейчас путешествует с Орловым.

Чедано остался ночевать в каюрской. Ужинать гиляки пришли к Невельским.

– Алексей твой помощник? – допытывался Чедано.

– Мой товарищ.

– А Николай?

– Тоже мой товарищ.

– А почему у них нет своих лавок? Где их товар?

– Товар мы держим все вместе, в магазине.

– А-а! А не ты главный у них?

– Я по службе главный. А они торгуют сами по себе.

– Ты сегодня только свой товар показывал?

– Да...

– Пусть придет Алексей и мне свой товар покажет. Он у нас ездил и очень хорошо торговал. У него товар дешевле, чем у тебя. Его все хвалили. Но я его не застал.

Послали за Березиным. Тот принес сарпинки и солдатского сукна. Живо вошел в роль, хвалил свой товар, хвастался, щелкал языком, принес свою водку. Чедано был в восторге и полез в мешок за оставшимися лисами и соболями.

– Мы любим торговаться, – признался он. – Если у одного купца нужный мне товар плох, идем к другому. Каждый купец хочет нас обмануть, и мы его тоже обмануть стараемся.

– А удастся?

– Конечно! А вот если купцы сговорились, то я кругом попался! А у вас сговора нет? – вдруг с испугом выкатил глаза старик.

– Наоборот, я запрещаю по одной цене продавать!

«Эх, Геннадий Иванович, проговорился!» – подумал Березин.

– Вот это хорошо! – успокоился Чедано и поскреб лысину ногтями. – А маньчжуры про вас говорят, что у вас одна компания и вы хотите их совсем выгнать. Это правда разве?

– Нет! Но почему ты так беспокоишься? Ведь ты сам знаешь, что они вас обманывают. И обижают. А ты их защищаешь.

– Вот и я говорю! Обманывают обязательно! И обижают сильно... Но, капитан, не гони их, пусть они торгуют! И они и вы! Ладно?

– Пусть. Мы им не запрещаем, а напротив – объявляем всюду, что будем охранять их торговлю и жизнь. И сами готовы торговать с ними. Только пусть вас не обманывают. Ведь ты сам был со мной, Чедано, на Тыре, когда я впервые встретил маньчжуров. Я не прогнал их и объявил: пусть честно торгуют.

– Да, это верно, от них бывает и горе. Но выгонять их не надо. Они торгуют плохо, но зато подарки дают. И мы их товар тоже любим. У них такие красивенькие легонькие вещицы есть. И вкусные тоже...

– Согласен с тобой.

– А теперь очень много про вас разговоров всюду.

– Эти слухи пускают про нас из зависти сами маньчжурские торгаши.

– Может быть! – согласился Чедано. – Говорят, что вы хотите все захватить, тогда цены будут единые и никто не сможет от вас убежать, и тогда, не имея соперников, вы будете у нас все брать даром. Верно?

– Нет, не верно!

– А ваш магазин всегда охраняется? – спросил Чедано.

– Всегда! Там человек ночует.

– Вот это хорошо! И хорошо, что вы с пушками. А магазин ведь это ваш корабль, и он дырявый, можно стрелять через дырки. Вы его можете оттолкнуть в воду и плыть, чтобы торговать? Хорошо, у тебя много товарищей. Я тоже так хотел бы! Тебе жить не страшно! И ездить всем вместе хорошо, компанией. Торговать! Да и как нам ссориться с маньчжурами? Ведь ты, если захочешь, уплывешь на своем магазине. А нам некуда плыть. Мы тут остаемся.

– Нет, мы никуда не собираемся. Будем всегда защищать вас.

– А вот у нас был случай на Амгуни, ехал твой парень, который живет в Николай-посту, сам Николай...

– Бошняк?

– Так, конечно! И ехали маньчжуры. Один маньчжур обманул, давно еще, у нас дядю, и наши гиляки решили его убить. И схватили за руки и за ноги, встретив на дороге. И как раз ехал Бошняк. Выскочил из нарты, услышав крик. И сильно бил наших гиляков, ударил по лицу и в грудь и сказал, что человека убивать нельзя. И вместе с маньчжуром поехал дальше.

– Я это знаю. А почему тебе это не нравится? Если маньчжур виноват, то пусть жалуются, и мы заставим вернуть его все, что он взял незаконно, а убивать человека нельзя.

– Разве нельзя? – с невинным выражением лица спросил старик. – Дядя тогда сказал, что плохо, если русские и маньчжуры познакомятся. Пусть бы лучше ссорились.

Гиляки задымили весь дом, после них остался запах собачьих и звериных шкур.

– Не зазнавайтесь, господа! – сказал Невельской своим офицерам и приказчикам, которые присутствовали при этом разговоре. – Вы видите, как желают сохранить они торговлю с маньчжурами. И те не глупы! И нам надо стараться торговать с маньчжурами. Они могут стать нашими друзьями, быть может, и оптовыми поставщиками нужного нам продовольствия.

Все разошлись. Пришлось студить избу, открывать дверь, проветривать. Печь топилась, и в трубу тянуло.

– Торговля идет бойко! – говорил Геннадий Иванович, садясь в углу за письменный стол. – Но и хлопот много. Опять грязь и тебе неприятности.

– Не беспокойся, Геннадий! Я всегда рада твоим гостям!

– Я знаю, что надо пользоваться, если они охотно идут. Но всех водить к себе мы с тобой не можем. Мне тогда все бросить надо и только ими заниматься. А мне все же придется отчеты составлять, следует написать в правление, что мы тут делаем! – Он показал на кучу бумаг. – В каюрской теперь столы и котел, и я велел, чтобы приказчики там сами всех угощали или назначали бы вместе с боцманом людей для этой цели. А я туда буду ходить на «говорки»!

Глава пятая. Рождество

Ночью Николаю Бошняку – двадцатилетнему начальнику Николаевского-на-Амуре поста – часовой доложил, что видно северное сияние. Николай Константинович так устал и так ждал рассвета и часа отъезда, что даже не вышел из юрты и не захотел взглянуть. Не верилось, что на рассвете в путь, а вечером – у Невельских!

Позавчера проезжал Дмитрий Иванович Орлов. Он, возвращаясь из командировки, заночевал у гиляка Ганкина в стойбище Вайда, в семи верстах от Николаевского поста, где его застала ночь и непогода, и явился утром. Привез массу новостей. Но хотел засветло в тот же день попасть домой, в Петровское, где его ждали к празднику, посидел в юрте у Бошняка час, попил горячего чаю с лепешками и помчался дальше. Хоть и спешил, а много интересного успел рассказать о своей поездке.

– Нашли пограничные столбы на Становом хребте? – спросил его Бошняк.

– Никак нет! Их нет, а груды камней, про которые идет толк, – места для ярмарок.

– Слава богу... А я нынче тоже был в экспедиции, ехал по Амгуни в нартах и все смотрел на горы, думал о вас, что непременно увижу в трубу Дмитрия Ивановича.

– Мы с Позем очень далеко были от Амгуни, Николай Константинович.

В командировку Орлов выехал из Петровского на север, через Коль и озера направился к хребту, считавшемуся пограничным, проехал вдоль его подножия, свернул на Амгунь и вернулся с юга.

Надо бы ехать было с ним в Петровское, да Бошняк еще не собрался. Но приезд его сильно подстегнул Николая Константиновича.

Теперь Орлов все подробности расскажет. Чихачев вернулся тоже. У Невельского много новостей: может быть, почта пришла.

Бошняк эти дни работал, как рядовой, с топором в лесу, старался разделить со своими казаками и матросами их тяжелую долю. Заготавливали строевой лес. С осени был приказ Невельского: построить к зиме теплые помещения для людей, баню и сделать засеку.

Баня готова, срублена из сырого леса. Готова и засека. Для команды вырыто жилье в земле. Стойма поставлены бревна, снаружи обложены дерном. Сделаны нары, грубые столы и табуретки. Пол земляной. Крыша крыта дерном.

В таком помещении с земляными стенами живет на нарах более двух десятков людей, двое семейных с женами и детьми здесь же. Бошняк понимает, что это мука, а не жизнь. Духота, теснота, стоит смрад от светильников с тюленьим жиром. И от сырости, от плохой пищи люди болеют.

Такая же землянка, но поменьше, у Бошняка. С ним живут приказчики и горный штейгер Попов – невысокий, сумрачный человек, прослуживший добрый десяток лет среди каторжников на рудниках Забайкалья. В душе Николай Константинович недолюбливает этого штейгера.

На зиму казаки насолили черемши; из Петровского доставили бочки с капустой. Рыбы насолили и навялили, стоят с ней самодельные долбленные ушаты.

Осенью прибыли из Охотска две женщины – жены казаков. Вся команда их встретила с радостью, убрали к их приезду казарму. С их прибытием команда подтянулась.

Жены нижних чинов готовили пищу, содержали помещение в чистоте, стирали, ходили за двумя коровами, для которых тоже выкопано и крыто жердями с дерном помещение.

Вечерами обязательно – песни, пляски, чтобы народ не чах и не зяб.

Каждую неделю – баня. Бошняк полюбил простую баню. И отдых, и удовольствие. Потом – по чарке водки.

День и ночь пушка наготове, как велено; при ней часовой, и в любой миг по тревоге все станут в ружье.

Николай Константинович иногда думал, что и в подобной жизни на далеком посту есть своя поэзия. Но вот получил приглашение на праздник в Петровское, и появилось такое чувство, как будто из тюрьмы отпускают в родную семью. Только сейчас понял, как надоело жить в сырой землянке и все эти караулы, рубка леса, черемша и капуста, перевесы и дележка порций, счет продуктам, свечам и салу...

С рассветом Бошняк пошел в казарму. За Николая Константиновича на посту оставался присланный недавно из Петровского бойкий и разбитой унтер-офицер Салов. Старый унтер Тихонов из команды «Байкала» заболел и отправлен в Петровское. Приказчик Березин по делам задерживается там же.

– Не беспокойтесь, ваше благородие Николай Константинович, будет все в порядке, – сказал Салов. – Людей я знаю всех еще по Охотскому порту и вижу их насквозь. Я их не обижу, но и спуска не дам. Для вас все готово. Аносов едет на праздники в Петровское, сейчас подаст упряжку, только вот собаки маленько заморенные.

– Что это у тебя с носом, Шестаков? – спросил Бошняк, обращаясь к высокому красивому матросу.

– Кто тебе морду погрыз? – усмехнулся Салов.

– Крысы! – печально ответил Шестаков.

«В самом деле, ему обидно! – подумал Бошняк. – Матрос из команды «Байкала», один из лучших был на судне, любимец Геннадия Ивановича».

Вдруг все стали смеяться.

– Глянь, робя, Шестакова крыса за нос укусила!

– А Замиралова за ногу!

– Вон как, ваше благородие, – показывая завязанную ногу, сказал старик Замиралов.

– Икусала – значит, спишь крепко!

– Летом построим казарму, и крыс в ней не будет! – сказал Бошняк.

– Слыхали? – добавил Салов, обращаясь к казакам. – Теперь уж недолго!

– Да вот на них ловушки лажу; пока вы ездите, Николай Константинович, может, всех переловим, – сказал худой смуглый матрос Веревкин.

Собаки вихрем помчали Бошняка. Чуть отъехал от поста, и не стало видно строений, все снегом занесло, лишь торчат трубы. Подумал: «Нелегка жизнь ради идеи. Известность можно приобрести и в Петербурге, не подвергая себя подобным лишениям». Он понимал, что еще придется возвратиться сюда, и от этого являлись обидные мысли. В Петербурге не очень желали осуществления замыслов Геннадия Ивановича, даже государь запретил распространять влияние экспедиции, а Невельской уж после этого опять рассылал объявления, что страна наша. «Боже, чем все это кончится?» Бошняку тоже пришлось побывать с казаком Беломестновым в одной из непродолжительных экспедиций. Но казалось, что его, как самого молодого из офицеров да еще родственника своих костромских знакомых, Невельской бережет и в трудные экспедиции не отправляет и что успех первой экспедиции зависел не столько от него, как от Беломестнова, который теперь в Петровском ждет новой экспедиции, а пока возит воду.

...Собаки хороши и мчали быстро. Аносов каюрил не хуже любого гилеяка. После полудня между сопок завиделось море во льду, на косе дымили трубы. Николай Константинович глазам не верил, что подъезжает.

Вот и Петровское, слава богу! Снег, слепящее солнце, крепкий мороз и такое чувство, как будто явился домой в Кострому. И там сегодня ждут звезды! Сочельник! А после Рождества – Святки, все это так торжественно! Может быть, Геннадий Иванович разрешит и Святки пробыть в Петровском...

Невельская в шубке и Геннадий Иванович в форме вышли на улицу встречать Колю. Тут же Чихачев, доктор Орлов, Воронин, знакомые казаки и матросы. Крики радости, объятия и поцелуи без всяких чинов. Всплескивает руками невысокий Беломестнов.

– Здравствуй, брат Кир! – обнял его Николай Константинович.

Подошел пожилой рослый и плечистый мужчина с густым загаром и черными бровями.

– Доехали, Дмитрий Иванович? – обрадованно воскликнул Николай Константинович.

– Как видите! – отвечал моложавый старик. Широкой, большой ладонью схватил он руку Бошняка.

Тут и Позь – рослый худой гиляк с большим лбом, и жена Дмитрия Ивановича Орлова – молодая, красивая, с выражением спокойного достоинства на смуглом лице.

Почты, оказывается, еще нет. Что делается в Петербурге, в Иркутске и в Костроме – неизвестно.

Орлов – старый штурманский офицер. Был под судом за убийство из-за женщины. В ссылке жил в Охотске и в Аяне, служил в Компании, был нужен, его не держали в тюрьме. Он женился. В прошлом году Муравьев выхлопотал ему прощение и чин штурманского прапорщика. Орлов считается заведующим торговой лавкой в Петровском зимовье, состоит на службе в компании и отвечает перед заведующим ее Аянской факторией капитаном второго ранга Кашеваровым за все товары.

Во время поездки душа его болела, как тут Невельской распоряжается товарами и как идет торговля. Какие бы приказы Невельской ни отдавал, но в конечном счете придраться смогут к Орлову, и даже обязательно придерутся.

Возвратившись в Петровское, Дмитрий Иванович даже не пошел в первый день в магазин, не ожидая увидеть там ничего хорошего. Явившись к Невельскому, он доложил с подробностями о поездке и, представив карты, пошел отмываться и отсыпаться.

Вечером в тот же день он рассказывал Невельским о поездке, о том, что про пограничные столбы никто в тех краях даже не слышал.

Выехав из земли гиляков, он держал путь на запад, к хребту. При встречах Орлов понимал негидальцев и других туземцев. Он отлично говорил по-тунгусски. Встречался он на реке Горюн с самогирами и с гольдами. Потом был на озере Удыль. Более всего поразило его, что в стойбище Пуль, напротив этого озера, где жили главные и самые богатые маньчжуры, он был принят очень радушно. Пришлось остановиться в их доме. Вслушавшись в маньчжурскую речь, он почувствовал, что понимает и их. Он прожил в Пуле два дня, толковал без переводчика и расстался с купцами по-приятельски. Гиляк Позь удачно сменял маньчжурам лакированную посуду, привезенную им самим с Южного Сахалина от японцев, и орлиные хвосты – на шелковые халаты.

На другой день утром Орлов пошел в магазин и был поражен, сколько тут наторговали мехов. Но Боуров был недоволен, жаловался, что Невельской объявляет настоящую войну Компании, ругает ее правление; товары все продаются по разным ценам, так что невозможно составить отчет. Одна надежда: скуплены меха в большом числе. Но, как уверяет Боуров, упущены большие барыши, которые составили бы здешней лавке славу, а служащие получили бы вознаграждение. И все идет прахом из-за политики Невельского.

– В такой мороз, сами знаете, Дмитрий Иванович, покупатель водки просит и отдаст за нее все, – говорил Боуров. – И торговать с водкой легче. А Геннадий Иванович насчет водки строг: она, мол, нужна к весне для команды, когда начнется цинга. Да можно завалить весь пост соболями при водке и с нашим товаром! Обратно – произвести оборот: на хорошее сукно этой же водки скупить у маньчжуров. Мы держим для дикарей гостиницу и пластаемся перед ними в каюрской, когда его чаем не нагреешь и печка не поможет, если он отмахал полдня нартами. А дай ему полуштоф, он зальет в глотку, и ему не надо угощений и всех разговоров, он отдаст меха сам. А мало, что гиляка накорми, – дай его собакам юколы, если у него своя вышла.

Дмитрий Иванович понимал всю эту политику.

– Наплюйте на Компанию, Дмитрий Иванович, – говорил ему в тот же день Невельской. – Я написал, что беру всю ответственность на себя и имею на это основание, облечен особыми

полномочиями. Помните, у нас тут как свое государство, не зависимое ни от какой бюрократии. И выполнять мы с вами будем лишь разумные и приемлемые распоряжения. Если явится чиновник вас арестовывать, то прежде я его сам арестую.

– Почему же почты нет? – спросил Бошняк, входя в дом к Невельским.

– Ждем! Губернатор обещал нынче сплыть по Амуру к нам с флотилией. Он сдержит слово! Мы готовимся, будем весной пахать... Торгуем, карту большую делаю, к приезду Николая Николаевича все надобно в порядок привести.

Невельской пошел с Чихачевым на водосвятие, а Бошняку велел отдыхать на диване, и тот заметил, что, пока не был в Петровском, на большой карте над столом появилось много новых пунктов. Он прочитал: «Озеро Кизи», «Река Амгунь», «Селение Керби» и разные другие.

Вечером со звездой сели за стол.

На ночь Николая Константиновича уложили на диване в большой комнате. Геннадий Иванович снял со стены карту, разложил ее на большом столе. Вооружившись циркулем и карандашом, стал наносить какие-то пункты с карт, которые привез Дмитрий Иванович Орлов.

– На юге много хороших гаваней есть! – сказал Невельской, не оборачиваясь. – Поэтому занятие Де-Кастри не решает дела! Надо еще южнее идти. Гиляки тут рисовали мне ножами на бересте. Их сведения всегда верны. Они прежде рисовали путь по Амуру, например, и всегда масштаб соблюдали. Не так уж велики оказались их ошибки, когда Николай Матвеевич и Орлов все засняли и определили. Конечно, гиляцкие берестяные карты не могу прилагать к отчетам, но они еще ни разу не обманули нас. А на юге, говорил мне один старик, есть прекрасная, почти незамерзающая гавань! На бересте представил целые атласы. Жил тут три дня, пил и ел, и мы ухаживали за ним, как за богатым дядюшкой. Да вот я вам покажу, они в ящичке, – сказал Невельской, становясь на колени и заглядывая под диван. – Вот как раз она сверху лежит! Видите, какая гавань. В форме рога.

Он отдал бересту Николаю Константиновичу, встал, подошел к большой карте и повел ладонью по нижней ее части.

– Пожалуй, вот здесь! А? Возможно, южнее Крыма... Как вы думаете, Николай Константинович, неужели и она льдом покрывается?

– Почему вы меня туда не пошлете, Геннадий Иванович?

Дверь скрипнула. Вошла Екатерина Ивановна.

– Что вы, господа, не спите? – Она остановилась над картой и стала с интересом смотреть, облокотясь.

... Утром явился Орлов. Густые волосы Дмитрия Ивановича напوماжены. Он в новом мундире и чисто выбрит. Усы короткие, и виски выстрижены так, что не видно седины.

– Сегодня сразу десять человек производим в унтер-офицеры, – сказал Невельской. – А как вчера на водосвятии, я не ошибся? – обратился он к Орлову.

– Все благополучно, Геннадий Иванович, – ответил тот. – С праздником, Екатерина Ивановна. Уж утро, Геннадий Иванович. И гиляки съехались. Новых много. Чем угощать будем?

– Кашей, как всегда. И хлебом!

– Слушаюсь...

Нынче, когда Дмитрий Иванович путешествовал, его проводник Позь заболел и отстал. Орлов, оставшись один, выпил в дороге, что с ним редко случалось, и пьяный проехал дальше, чем надо было. Потом пришлось составлять карту со слов гиляков, речь и объяснения которых он без переводчика плохо понимал. Возвратившись, Орлов ничего не сказал об этом Невельскому. Геннадий Иванович и так к нему иногда придирался с тех пор, как прошлой весной Дмитрий Иванович не рискнул разогнать толпу гиляков, не разрешавших ему ставить заново Николаевский пост, как это велел Невельской, уезжая в Петербург. Пост по его же приказу на

прошлую зиму был снят, так как только весной нужно охранять устье от иностранцев. Да и помещения не было.

Большую карту Орлов теперь недолюбливал, так как на ней красовалась река, которой на самом деле, кажется, не существовало...

– Пора на молебен, Геннадий Иванович, – осторожно сказал он капитану.

– Вот экспедиция! Даже попы в ней служить отказываются! – с досадой молвил Невельской. – А кто у вас, Николай Константинович, служит?

– У меня фельдшер. Он же писарь и священник.

После обедни объявлено было о производстве десяти человек в унтер-офицеры, остальным розданы награды и к обеду всем по чарке водки.

В казарме рядом с большим столом – елка. Офицеры, нижние чины и гиляки-гости попеременно уселись за общий стол. Обедали в три очереди.

После обеда подали десяток собачьих упряжек.

– Едем, господа, кататься! Едем, братцы, – объявил Невельской.

– Эх, Канцлер! – весело крикнул Березин на свою черную тучную собаку.

Подобин выехал на упряжке, которую одолжил у гиляка-приятеля.

– Вот у меня пес Канцлер, – говорил капитану подъехавший Березин. – Так ведет упряжку, что никто не перегонит. Право, не вожак, а министр!

– И не упряжка, а правительство! – сказал Невельской. – И наоборот.

– Этого пса я издали привез, – продолжал Березин.

– А ну, давай, Алексей Петрович! – предложил Иван Подобин.

– Давай, сгоняемся!

Поехали к торосам. Оттуда пустили псов по ровному снегу залива к селению. Гиляки и русские махали руками и орали в голос...

– Та-тах... та-тах... – раздавались крики погонщиков.

Подобин пришел первым.

– Канцлер проиграл! – воскликнул Невельской.

– У-у, Нессельроде! – со злостью сказал Березин и дал пинка своему жожаку. – Подвел!

Екатерину Ивановну наперебой вызывались катать и нижние чины, и офицеры. Бошняк, попридержав собак, стал говорить ей, что, несмотря на то что он не только глубоко уважает, но даже боготворит Геннадия Ивановича и преклоняется перед ним, он в то же время не может удержаться и не выразить свои чувства. И что это его глубокая тайна, и что он просит ее сохранить навсегда...

Только что ее просил сохранить свою тайну на своей упряжке Николай Матвеевич. «О, мужчины! Неужели и мой муж был столь же легкомыслен? Неужели и он так пылко ронял свои тайны?»

Вечером гиляки разъехались. Опять в казарме хор и танцы.

У Невельских офицеры за столом. Все в мундирах, Екатерина Ивановна в голубом платье, а смуглая темно-русская Харитина Михайловна Орлова – в розовом. На столе бутылка вина и остатки пудинга. Бошняк читает стихи Лермонтова. У края стола Коля Чихачев сидит очень картинно, гордо держит голову, закинув ногу на ногу, и курит трубку. Орлов хмелен, взор его чуть заметно играет, и видно, что это еще мужик-огонь, несмотря на то что ему пятьдесят. Его сильно трогают стихи. Молодая жена чуть заметно облокотилась на его крепкую руку.

Дмитрия Ивановича зовут тут стариком. Он смугл от загара, у него суровое лицо с крупным носом, густые волосы с сединой и густые черные брови. Долго искал он окаянные пограничные столбы, забрался туда, где, кроме тунгусов, никто не бывал. Только будь проклята эта река, которой все же, кажется, на самом деле нет, хотя она и попала на карту, к Невельскому.

И снился мне, сияющий огнями, —

декламирует Николай Константинович, —

Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами...

Екатерина Ивановна чувствовала в этих стихах что-то очень похожее на то, что переживали все вокруг нее. Она испытывала странный подъем; казалось, ей открылся дар предвидения.

«Что ждет вас, господа? – хотелось бы спросить ей своего мужа и его молодых офицеров. – Неужели и вы падете здесь с свинцом в груди? Как это странно все и страшно...»
И ей представлялся пир в родимой стороне: сестра, дядя и тетя.

И снилась ей долина Дагестана.
Знакомый труп... лежал... —

прерывающимся голосом читал Бошняк, —

...в долине той...

Катя желала сказать молодым офицерам, что они должны верить ее мужу, он знает, чего хочет и куда ведет всех...

Березин после декламации принес большую бутылку маньчжурского спирта, просил не стесняться, уверяя, что это он выменял на свои личные средства у знакомых купцов. Налил немного спирта в стакан, зажег и выпил с огнем, к ужасу Орловой и к изумлению Екатерины Ивановны, а потом быстро запил все водой.

– А я сладкое люблю, – говорил Бошняк, протягивая руку к жженому сахару с орехами.

– Я сама собирала орехи в стланике, – отвечала Екатерина Ивановна.

Чихачев молча курил, пуская дым к потолку.

Березин заиграл на скрипке камчатскую «кадрель». Он перевернул скрипку, ударил по ней пальцами и защелкал языком. Чихачев улыбнулся величественно и поднял руку с бубном, который всунул ему в руки приказчик. Невельской щелкнул каблуками и вылетел танцевать с Харитиной Михайловной. Бошняк пригласил Екатерину Ивановну. Дмитрий Иванович Орлов подхватил Дуняшу...

Боуров сидел смиренно и вдруг тоже осмелел. Когда Чихачев пошел танцевать, он бил в бубен, потом сам танцевал легко, играл на скрипке.

– Где ты этому всему научился? – удивленно спросил его Орлов.

– Торгаш должен все уметь! – хлопая по плечу товарища, сказал Березин.

– Губернатор дал мне слово, – говорил Геннадий Иванович, – что весной по Амуру спустится сплав, доставит людей, продукты и товары. Надо ждать! Это требует крайнего и полного напряжения сил. Мы полны надежд и благодарности его величеству государю императору и его высочеству великому князю Константину Николаевичу. Нам обещан крейсер для сторожевой службы! Для описи южных гаваней – паровое судно с паровыми катерами для промеров лимана... Инструмент и оборудование для кузницы, и понемногу начнем здесь судостроение.

Но, господа, может случиться, что для нас ничего не будет сделано. Поэтому я сам составлю чертеж ботика, который начнем строить, как только позволит погода. Ничтожность средств, которыми мы располагаем, очевидна. Между тем, не дожидаясь ничего и не надеясь ни на кого, мы собственными силами должны продолжать исследования. Ваши открытия, господа, – это начало всех начал. Дмитрий Иванович разрешил пограничный вопрос, в этом

основа, фундамент будущего. Мы держим устье в своих руках крепко. Кто сунется – рыло разобьем. Теперь исследовать, а потом и занять Де-Кастри, Кизи, Сахалин. И юг! Гавань Рог! Амур наш, земли по нему исконно наши! Но я не смею принуждать вас совершать действия, которые мне, как начальнику экспедиции, запрещены и не соответствуют воле правительства. Каждый из вас имеет формальное право отказаться... Погодите, погодите, господа. Дайте договорить... Ваш патриотизм и доблесть, выказанные вами в предыдущих исследованиях, дают мне надежду...

– Я прошу вас, Геннадий Иванович... – пылко воскликнул Бошняк.

Все поднялись...

«А я, в то время как другие делают великие открытия, – думал Бошняк, – воюю в казарме с крысами и считаю пайки и порции водки...»

– Цель еще далека, – говорил Геннадий Иванович. – Условия, в которых мы находимся, тяжелы, но остановиться нельзя. Наперекор мнениям ученых и ложным взглядам высшего правительства, которое ставит нам препятствия и глава которого – наш канцлер – готов и желал бы уничтожить нас, – он заволновался, чувствуя, что не должен был так говорить, – и, не считаясь ни с какими ложными предубеждениями, мы будем бесстрашно идти вперед, доказывая истину... Я говорю вам это потому, что дух ваш неизбежно будет падать и мы должны воодушевлять друг друга и наших людей. Я, не задумываясь, отдал бы жизнь, но дело требует, как я вам тысячу раз говорил, не глупой смерти...

Екатерина Ивановна поражалась, как он умел передать окружающим свое воодушевление. Она гордилась, что это ее муж.

– Господа...

На улице раздался выстрел. Все встрепенулись.

Воронин быстро вышел.

Послышались голоса, дверь отворилась, и с Ворониным вместе появились гиляк и казак Парфентьев, ездивший только что в Николаевск.

Невельской узнал Чумбоку, старого знакомого, своего проводника.

– Письмо от унтер-офицера Салова, – сказал штурман, подавая пакет капитану. – Под Николаевском восстание гиляков, хотят уничтожить наш пост...

Все вскочили.

– Спокойствие, господа! – по-юношески вспыхнув, сказал капитан.

Глава шестая. Восстание

Чумбока рассказал, что из стойбища Новое Мео он собрался в Петровское на праздник. С ним хотел ехать гиляк Ганкин из деревни Вайда, но почему-то не заехал, как обещал. Чумбоку это беспокоило, тем более что Ганкин сам все задумал. Чумбока решил, что с ним что-то случилось, и поехал в Вайду.

Явившись туда, он увидел, что у Ганкина гости и сам он жив и здоров, но пьян. На вопрос Чумбоки, почему он не едет на праздник к русским и почему все вайдовские гиляки перепились, Ганкин отвечал, что приехали маньчжуры во главе с богатым Мунькой и всех угощают.

Чумбока спросил Ганкина, почему он не едет на Иски к старшему русскому джанги в гости на угощение. Тот ответил, что на Иски больше не поедет и что нечего знаться с русскими, маньчжуры сказали, что скоро отрубят им головы и, пока не поздно, надо дружбу с ними кончать. Чумбока ответил, что не так просто русским отрубить головы и что дурак тот, кто верит в такие выдумки.

Другие гиляки говорили, что у них сговор идти на Николаевский пост, там много товаров и можно будет все взять, а русских вырезать, и звали с собой Чумбоку, обещая с ним поделиться, если он поможет.

– Но как же мы возьмем пост, – ответил тот, – когда там засека и пушки, день и ночь ходят часовые, а в казарме живут сорок человек с ружьями и еще идут туда сто.

Пьяные гиляки ответили, что толком ничего не знают и что если на посту так много силы, то, может быть, русских лучше не трогать. Но, говорят, будет беда, весной придут по реке войска маньчжуров, а до сих пор этого не бывало.

– Поедем к маньчжур, – звали гиляки, – он тебе сам все расскажет. И ты скажи ему, в чем опасность и как у русских устроена крепость. Хотя и у нас есть люди, которые часто бывают на посту, но мы так хорошо, как ты, всего не знаем.

– Там несколько пушек! – сказал Чумбока.

Гиляки остыли при упоминании о пушках, но тут же добавили, что сверху войско придет тоже с пушками. Сами гиляки признавались, что боятся пушек и не хотели бы идти на пост, к русским вражды не питают, но до весны их надо вырезать, а то будет поздно.

– Пойдем, я сам с ним поговорю! – сказал Чумбока.

Пришли к маньчжур. Тот подтвердил, что летом приплывет из Сансина многочисленное войско.

– А почему же войско сейчас не пришло? – спросил Чумбока.

– Потому что очень холодно.

– А летом очень жарко, – ответил Чумбока, – и много комаров. На собаках могли бы приехать!

Маньчжур нахмурился и сказал, что за такие разговоры может приказать вытянуть Чумбоке язык и проколоть булавками. Чумбока заявил, что совсем он не друг русских и никто не смеет ему портить язык. Тогда маньчжур похвалил его и сказал, что в таком случае ему бояться нечего.

– Ну, а что ты хочешь сделать и как? – спросил Чумбока.

– Это я хочу от тебя услышать, чем ты можешь помочь, если явился.

– По-моему, прежде чем нападать, надо подождать пушек из страны маньчжуров.

– А тем временем русские будут продолжать нас всех обманывать? – показывая и на толпу и на себя, сказал маньчжур. – Да ты знаешь, чего они хотят?

Гиляки слушали молча, со вниманием и страхом.

– Русские хотят продавать только свои товары, у них один ум и общий сговор. А когда они вытеснят торговлю маньчжуров, то вы окажетесь в полной их власти, и тогда они вас уничтожат, вы им не нужны.

– А вот это неверно! – заговорил вдруг старик Чедано, который ехал из Петровского и по дороге задержался в Вайде. – Русским тоже нужны соболя и разные меха, и они скупают их охотно. Если они нас убьют или напугают, кто им добудет меха? И они честно торгуют.

– Это пока мы здесь, дедушка, они меха скупают честно! – возразил маньчжур. – Они так торгуют, только чтобы нас уморить с голоду. Да иди сюда, садись со мной, я тебя давно хочу видеть. Где ты был все время?

Так, разговаривая ласково, маньчжур усадил Чедано за маленький черный растрескавшийся лакированный столик и угостил его водкой.

– Я тебе привез подарок! – сказал маньчжур. – Все время помнил тебя и хотел отблагодарить за прошлое гостеприимство. – Мунька достал серебряное сияющее кольцо, потер его о шерстяную туфлю и подарил старику.

– Хороший человек! – сказал Чедано и поцеловал маньчжура. Но, видно, помнил, как прежде Мунька был жесток и груб. Маньчжур своим подарком заронил в душу Чедано сильное подозрение. Старик покрутил кольцо в пальцах, не надевая. Он понял, что ценой подарков маньчжур хочет получить от Чедано одобрение делу, которое затевалось.

– Да, гиляки больше всего боятся, когда купцы сделают между собой сговор и будут торговать по одной цене! – сказал Чедано. – Как это и делается у вас, маньчжуров, но у русских этого нет, и там каждый торгует по-своему. На, возьми свой подарок, – вдруг сказал он. – Я сам видел, как капитан защитил людей на Тыре.

– Значит, ты врешь! – крикнул Чумбока в самое лицо маньчжуру.

– Они, купцы, друг другу чужие, и каждый торгует своим товаром, – продолжал Чедано, – они защищают вас, Николай спас твоего товарища, когда его хотели убить.

– А мы знаем от их же людей, которые живут на посту и недовольны своими хозяевами, что у них компания одна! И что они вырежут нас. И знаем, что у них нет товара, – закричал Мунька. – Нам таких купцов тут не надо! – Да еще с пушками!

– Верно! – дико подхватил Ганкин, желавший еще выпить.

– И зачем они пришли, не можем понять?! – стали кричать вайдовские гиляки.

– Среди них воры, которые все крадут! И один из них хотел у меня девку насильничать! – сказал старик, сосед Ганкина.

– Воришки! Совсем не должны были маньчжура спасать, когда его давно убить надо!

– Возьмем их пост и заберем все товары до ледохода! Ты говорил, что ждать весны? – обратился маньчжур к Чумбоке. – Не знаю, верно ли ты так думаешь, как говоришь. Ведь ты служил у них... Как же ждать весны, когда придут их корабли и подмога? Нет, схватить сейчас. Все их товары я разделю между вами. У них есть люди, которые помогут нам. А если ждать весны и нашего войска, то и все товары достанутся войску, а не нам. Будет поздно. А наши солдаты грабители. Их сюда лучше не пускать... Но если мы уничтожим русских, то все обойдется благополучно, и, может быть, тогда солдатам сюда не надо приходить! Я попрошу амбана, и он не отправит сюда свои войска.

– У капитана много товарищей, – доказывал Чедано, – и они все честно торгуют и заботятся о гиляках так же, как о маньчжурах.

Маньчжур так и не взял кольца от него обратно. Чедано еще повертел подарок купца в руках и положил на столик.

– Вы сами видели, что они нас боятся, – уверял маньчжур, – и делают поэтому вид, что хотят с нами дружить и будто бы заступаются за нас. Николай, их начальник на Николай-посту, бил вас за моего товарища. Но нам не надо их защиты!

Чумбока не стал больше спорить. Он вернулся с Ганкиным домой и стал потихоньку уверять, что маньчжур врет. Собрались гиляки. Чумбока осмелел и сказал, что русские не дают Муньке обманывать покупателей и поэтому он все это затеял и что он обижен на русских, что заступились за его соперника маньчжура. Гиляки отвечали, что, может быть, все это и так, но они боятся и теперь поздно отказываться.

Чумбока стал уверять, что, пока не поздно, надо все бросить и, как только стемнеет, идти в дом богача, кинуться всем разом на маньчжуров, связать их и тут же удавить, как будто нечаянно, в горячке. И что никакое маньчжурское войско не в силах что-либо поделаться с русскими...

В это время пришли пьяные должники Муньки, которым было сказано, что они больше ничего не получают в долг, если не помогут хозяину. При виде их слушатели Чумбоки сразу переменялись и стали ругать русских и его заодно, а когда Чумбока попытался вывернуться, пьяницы – должники маньчжура – начали его бить, разорвали на нем шапку и халат, и сам Ганкин делал вид, что ударяет его. Чумбока еле вырвался и на своей упряжке бежал на пост. Там он предупредил, что маньчжуры отрежут всем языки и уши. Салов привел гарнизон в боевую готовность, а Чумбоку немедленно послал с только что прибывшим казаком Парфентьевым в Петровское за подмогой и распоряжениями.

– Вот моя был праздник! – заключил свой рассказ Чумбока, снимая шапку и показывая висок, на котором была запекшаяся рана.

Бошняк, выслушав этот рассказ, покраснел до ушей. С Николаевского поста в самом деле люди ходили с его разрешения делать промены в соседние деревни. Но, оказывается, они крали, была попытка насилия. Ничего подобного Бошняк не знал. Все это преувеличено, быть может, но нет дыма без огня. Он, только что с таким воодушевлением читавший Лермонтова, не знал, куда деться от стыда. И кто-то предавал своих, разбалтывая все гилякам, не зная языка. Как? Кто?

– Господа, я виноват... Я не установил должных добрососедских отношений с жителями Вайды. Я не наблюдал... Я пренебрегал вашими указаниями, Геннадий Иванович! И я готов немедленно отправиться и подавить восстание!

– Погодите, Николай Константинович! – сказал Невельской.

– Надо изгнать отсюда маньчжуров! – сказал Чихачев. – Удалить их вообще!

Офицеры все, как один, вызывались немедленно отправиться на усмирение.

«Юноши мои, рыцарски благородные! – подумал капитан. – Но не вас туда надо».

– Позвольте, Геннадий Иванович, мне! – сказал Березин. – Мы с Мунькой Чжан Сином знакомые, и я его возьму. Он будет у меня помнить, как мне грозить!

– Выберите из матросов пять человек самых удалых, Алексей Петрович, возьмите Ивана Подобина, Калашникова, Конева, Фомина да на Николаевском посту Шестакова. Вооружите каждого саблей и пистолетом для рукопашного боя. С вами пойдут Позь и Чумбока. Боуров, приготовьте к утру тулупы и продовольствие, собак лучших, три упряжки; сейчас же поднять Паткена...

Через три дня Березин привез Муньку.

– Господа, Муньку привезли!

– А ну, каков он? Идемте...

Все селение сбежалось.

Из нарт подняли нестарого человека, рослого, сухого, с жестоким выражением лица и с рыжеватыми жесткими усами. Когда с него стянули белую баранью шубу, руки его оказались связанными. С ним вместе другой купец, маленький, с худым лицом, в белой шапке.

– Подкатили на всем скаку, спрыгнули с нарт – и в юрту! – рассказывал Березин. – Они опомниться не успели. Вот этот купчище? – кивнул он на маньчжура.

Один заряд из двуствольного пистолета Березин, войдя в юрту, где сидел Мунька, сразу вlepил в потолок. Матросы держали сабли наголо. Гиляки стали на колени. Маньчжуров тут же перевязали и отвезли на Николаевский пост.

Березин устроил там допрос, забрал Муньку и одного из его товарищей с собой, остальных оставил на посту под охраной.

По обеим сторонам маньчжура – вооруженные казаки.

– Зачем ты подговаривал гиляков?

Маньчжур сказал, что русские мешали ему торговать.

– Николай, – тут он показал на Бошняка, – не велит собирать долги с гиляков.

– А ты знаешь Николая?

– Знаю.

– А вы его, Николай Константинович?

– И я знаю.

– Почему же ты именно теперь начал? – спросил Невельской.

Мунька ответил, что узнал про русский праздник и решил, что на посту перепьются. От матроса Сенотрусова гиляки проведали, что Бошняк с Николаевского поста уехал. Через гиляка Влезгуна стало известно, будто бы на Иски у капитана половина команды больна.

– Кто тебе сказал, что у русских один хозяин?

– Никто.

– Почему ты сказал, что тебе передал это наш человек?

– Я сам придумал.

– Правда, будто бы был у тебя один русский с поста, кто обещал подговорить товарищей побить своих офицеров?

– Нет, это я тоже сам придумал.

Купцы признались, что решили действовать, пока зима и русские подмоги по морю получить не смогут. Мунька сказал, что сансинские чиновники недовольны, но войска в низовья реки не собирались присылать. Они обещали поддержку только в том случае, если торговцы поднимут гиляков и если будет просьба от гиляков прислать войска, хотя сами не уверены, что Пекин разрешит послать солдат в чужую землю.

Маньчжура увели.

– Они сыграли на наших промахах, господа! – сказал Невельской. – И еще на страхе гиляков перед ненавистной им монополией! Урок нам! Гиляки боятся попасть между двух жерновов.

Через два часа маньчжура вывели на площадку у мачты с флагом. Гарнизон поста выстроился с ружьями. Ударил барабан.

Мунька прежде любил смотреть на разные наказания, особенно когда палач рубил головы. Полшеи отрубят, а остальное допилит, жертва дергается, а Мунька в восторге. В городе торговцы и чиновники старались не пропустить ни одной казни. Женщин наказывали бамбуковыми палками по бедрам. Тоже любопытно! После этого всегда хотелось в веселый домик. А сейчас Мунька в ужасе. Это не забава! Идешь на казнь сам! Все глядят и будут радоваться! Как Мунька, бывало, отрубленным головам!

Маньчжура повалили на тулуп, он забился, в ужасе глядя по сторонам, ему задрали рубаху, и не успел он приготовиться к смерти, как двое матросов заработали розгами.

Выпоролы быстро, но здорово. Муньку подняли, он не понимал, что же дальше. Испуганное лицо его в поту и пятнах.

– Теперь тебе придется пожить здесь и поработать, перетаскать с берега к казарме кучу бревен, – сказал Позь. На маньчжура накинута шуба и повели его в юрту.

– Маловато всыпали, Геннадий Иванович, – заметил Березин.

В доме Невельских, за обедом, начался горячий спор.

– Не лучше ли, Геннадий Иванович, в самом деле, как советует Николай Матвеевич, уничтожить гнезда маньчжурской торговли, – заговорил Бошняк. – Так мы честно поступим в отношении туземцев и раскрепостим их от кабалы. А то мы вечно будем жить среди них, как на пороховом погребке... Может быть, постепенно, в случаях насилия купцов над туземцами, запрещать одному за другим торг здесь, уничтожить не сразу, а гнездо за гнездом.

– Легкий путь вы желаете избрать, господа! – ответил Невельской.

– Что же тогда делать, по-вашему? – спросил Чихачев.

– Делать то же, что делали.

– До следующего восстания?

– Зависит от нас! Наш долг – снаряжать экспедиции! Исследовать и торговать! Стараться заинтересовать маньчжуров торговлей с нами! У них есть к нам интерес, у некоторых – симпатия!

– А как же восстание?

– Восстание – доказательство, что мы были правы! Гиляки соседних деревень не поднялись. Восставшие, если их так можно назвать, вынуждены кабальной зависимостью от маньчжура. Восстание готовилось в деревне, близкой к посту, где наиболее страдали выгоды и преимущества торговца, он не выдержал конкуренции и схватился за оружие. Мы дали поводы, – видимо, каждый проступок наш и наших людей гиляки примечают! Маньчжуры не смогли сыграть на ненависти туземцев к монополии. Я сам не меньше гиляков ненавижу эту распроклятую компанейскую монополию. Компания губит целые народы, держит взаперти земли, которыми владеет. Поэтому мы, формально поставленные под власть монополии, должны сознавать ее вред. Я стараюсь этот вред устранить, отменяя все формальности прочь и провозглашая единственным законом нашей жизни любовь к отечеству и здравый смысл, господа! Наш долг – пресекать разбой и обманы маньчжуров. Уничтожать их насилия, но не их самих! Надо стараться гиляков сблизить с нами, принять все меры к сохранению и удовлетворению их материального интереса. Вот основа! Мы нарушим ее, изгнав маньчжуров! Вы спросите меня, господа, прочно ли то, что мы затеваем? Как долго удастся гилякам избежать эксплуатации? Это, господа, будет зависеть от нас и от наших преемников. И от того, какие формы примет общество в государстве. Но мы со своей стороны обязаны сделать все, что в наших силах, и наметить будущее! Мы ради их удобства установим цены разные, сообразуясь с расходами, издержками в пути, с наймом проводников! Продажа дешевле цены – долг наш во многих случаях! Для чего? Да для того, чтобы приучить их к хлебу, к нашей одежде, к сукну и шерстяным изделиям, которых они не знают. Приучать их к нашему образу жизни! Дарить хлеб, крупу, угощать и приглашать к себе! Надо выработать потребности... Слыхали, Боуров, что было на Вайде? Если не хотите, чтобы гиляки зарезали вас по наущению маньчжуров, поймите меня да напишите об этом в Аянскую факторию, а в Петербург и в Иркутск я напишу сам, господа! И несколько десятков розог Муньке поэтому вполне достаточно. Это лишь форма наказания, формальность. Он должен будет теперь подчиниться нам или уйти отсюда прочь!

...А у юрты, где обычно Паткен готовил корм для собак, столпились у окна гиляки и русские. Там виднелась спина торговца в шубе и затылок в теплой шапке. Дверь была приперта колом. Ходил часовой и время от времени отгонял зевак. Гиляки упорно допытывались, будут ли пороть второго маньчжура или ему все сошло с рук.

Глава седьмая. Сакани

Рослый казак, Андриан Кузнецов, стоявший на часах у мачты с флагом, заметил, что со стороны острова Удд через залив мчится какая-то упряжка. Он доложил капитану. Невельской вышел, надев шубу. Каюр погонял собак, оглядываясь на рыжую чащу кустарника на белом валу острова, словно ожидая погони.

– Таркун несется, вашескородие, – узнал седока Кузнецов.

Вскоре нарта подъехала. За спиной у Таркуна сидела молодая гилячка.

– Что же ты так торопишься? – спросил Андриан.

– Жена замерзла, что ли? – осведомился маленький черноглазый Аносов.

Таркун не стал отвечать. Невельской повел молодую чету в дом.

– Вот, Катя, моя жена Сакани, я привез ее к тебе. – Таркун подвел гилячку к Невельской.

Катя ласково обняла ее. У гилячки пылкий взор и чистое, нежное лицо.

– Пусть она поживет пока у Кати. Никуда ее не отпускайте. Только на тебя могу надеяться.

– Да что случилось? – спросил Невельской.

– Ее хотят у меня отбить! – с горечью воскликнул Таркун. – Помнишь, у тебя был Момзгун? Так не он обидчик, а его богатый дядя – Тятих. Он тоже был тут и подарки от тебя взял. Он набрал людей, напали на мой дом и меня били, хотели увести Сакани.

Таркуну помогли соседи. Тятиха выбросили из юрты. Тот, лежа на снегу, поклялся отомстить. Долго грозил...

Выслушав гиляка, Невельской стал советоваться с офицерами. Сакани слушала со вниманием. Умные глаза ее, казалось, готовы были выскочить из орбит. По тону и выражениям лиц она пыталась понять, о чем между собой говорят русские.

С тех пор как Екатерина Ивановна рассказала мужу о своих наблюдениях за гиляцкой жизнью, Невельской стал обращать внимание на семейные отношения гиляков. И у них бывают трагедии любви, бушуют страсти. Но сейчас дело было не только в этом.

– Неужели гилячка будет жить у вас? – тихо спросил Чихачев у Екатерины Ивановны.

– Да, я пригласила ее!

Николай Матвеевич покачал головой. Видно, Екатерина Ивановна еще не представляла, что значило ввести в дом такое сокровище. Невельской приказал Воронину, чтобы часовые не спускали с Сакани глаз, пока дело не уладится.

– Чтобы не получилось, господа, как с Бэлой, – обращаясь к офицерам, заметила Екатерина Ивановна.

– Мы все будем смотреть за ней! – воскликнул Бошняк.

– Николай Константинович, – сказал капитан, – отправляйтесь утром на остров Лангр, привезите сюда Тятиха.

– Простите меня, Геннадий Иванович, – заявил Чихачев, – но стоит ли нам вмешиваться в семейные дела гиляков? Люди утомлены. Всем предстоят тяжелые и далекие исследовательские экспедиции, о которых мы только что говорили. А ведь все это дело с женой Таркуна далеко не политическое, и оно может затянуться.

Офицеры экспедиции открыто высказывали свое мнение, им разрешалось опровергать своего начальника. Он сам требовал говорить все прямо.

– Как же вы предлагаете действовать?

– Я полагал бы, что это все решится со временем само собой, будет достигнуто средствами просветительскими. А мы должны действовать в главном направлении и не разбрасываться.

– Как бы ни были хороши средства просветительские, Николай Матвеевич, но положиться лишь на них я не могу-с. Я облечен властью и несу ответственность. – Невельской стал

заикаться от волнения. – Одной баней ограничиться не смею! Мы их будем мыть и дарить им белье, – он взял мичмана за пуговицу, – крестить, давать рубахи, а их будут избивать и рвать наши подарки и красть у них жен? Слыхали его рассказ, почему разорвали на нем русскую рубаху? Именно политическое действие!.. Посягательство на семью дружественного нам гиляка.

– За такие разбои... – заговорил Бошняк, но его перебили.

– Видят в Таркуне нашего друга! Увезти у него жену! Себе приятно, а ему позор и вред! Я их отучу за ножи хвататься и резать моих приятелей, – с яростью заявил Невельской. Он вспомнил, как у него у самого хотели отбить невесту. – Мы будем защищать таких, как Таркун. Да еще посмотрим, кто стоит за спиной Тятиха. Николай Константинович, завтра в путь... Схватить его да на бревна, вместе с Мунькой.

Вечером, возвратившись из бани, Сакани сняла меховой халат. На ней подарок Кати – платье в голубых и красных цветах.

– Да она почти красавица! – сказал Николай Матвеевич, вставая от карты, которую чертил. – Вот что значит одеться со вкусом...

– Нет, она и собой хороша, – отвечала Екатерина Ивановна.

Николай Матвеевич стал убирать чертежи.

– За что, Екатерина Ивановна, такая немилость, такое горе – гилячек отмывать, – пожаловалась Дуняша. – У них печки коптят и сажа в кожу въелась. За что такое несчастье?

– Мила, очень мила, ничего не скажешь, хоть и скуластая, – заявил Бошняк, явившись к ужину. Он ласково взял гилячку за руку. Она опустила голову и потупила взор.

Пришел Невельской. Все сели за стол. Катя объяснила гилячке, что у русских кушают все вместе. Жены не ждут, пока наедятся мужья. Она показала, как держать вилку и ножик. Сакани сразу поняла. Явился Таркун. От ужина он отказался: его только что накормили в казарме.

– Капитан, что у тебя за маньчжур работает? – спросил гиляк.

– Это торгаш из Вайды. Он провинился и наказан.

Таркун затянулся и пустил дым.

– Че, был бунт?

– Был.

– И пороли?

– И пороли.

– А-а!

Таркун опять помолчал и попыхтел трубкой.

– По-русски наказывали?

– Да.

Таркун покачал головой, показывая, что смешно.

– Мы его знаем маленько. А теперь купец бревна таскает?

– Да.

– Ему как на плечо бревно положат, он качается. На ногах плохо стоит.

– Он не привык работать!

Таркун сегодня подходил к маньчжур. «Таскаешь?» – спросил он. Тот не ответил. «Тяжело тебе?» – «Сам попробуй». – «А тебе так и надо! Хорошо наказали тебя! Может быть, ты не только бунтовал, но и еще чего-нибудь делал?» И Таркун замахнулся кулаком. Маньчжур съезился в ожидании удара. «Эй, эй», – крикнул часовой, делая знаки, чтобы Таркун отошел прочь.

– И часовой там ходит? – с невинным видом спросил Таркун у капитана.

– Да, охраняет... Послушай, Таркун, а что это у тебя за пуговица? – вдруг спросил Невельской, наклоняясь к кафтану гиляка. – Из чего она сделана?

– Это воронов камень.

Капитан повертел пальцами пуговицу.

– Продай ее мне, – быстро сказал он.

– Возьми даром! Я знаю место, где из этого камня стоят целые горы. И разбросанные куски валяются вот с этот дом.

– Горы? Где же?

– На острове, который ты называешь Сахалин... Гиляк оторвал пуговицу и отдал капитану. Невельской поднес ее к горячей свече.

– Э-эй! Она сгорит! – воскликнул Таркун.

– Смотрите, мои друзья, – обратился Невельской к жене и офицерам по-французски, – это каменный уголь!

Таркун поразился, как долго и горячо в этот вечер капитан со своими товарищами толковал о его пуговице. Пуговицу раскрошили, жгли кусочки и спорили и опять расспрашивали, где стоят горы из такого камня.

На ночь Таркун ушел в казарму. Сакани спала на кухне. Дуняша больше не досадовала на гилячку. С вечера она помогла ей расчесать волосы. Дуняше самой нравилось обучать чему-нибудь гилячек. Рано утром Сакани услышала, как русские уезжали на Лангр. Сакани сидела на табуретке, смотрела, как топится плита, как моется посуда, какие тряпки, полотенца, кастрюли.

Екатерина Ивановна стала стирать белье. Приятно, когда прозябшие за ночь руки чувствуют горячую воду и мыльную пену, а жар от плиты, казалось, гонит прочь промозглую сырость. Утром холод иногда забирается даже под одеяло. Мужу никогда не бывает холодно, от него всегда пышет жаром, словно у него какая-то особенная, повышенная температура. Но бывали утра, что и он старался закрыть голову одеялом, а потом оказывалось, что ночью замерзли чернила, а в бочке – лед на воде. Теперь в доме теплей, – видимо, бревна сохнут. Какое наслаждение стирать, согреваясь от движений и горячей воды. Верно, ни одна купальщица в южном море не испытывает ничего подобного.

Екатерине Ивановне многое хотелось расспросить у Сакани. Она глубоко сожалела, что еще мал ее запас гиляцких слов. Этот язык, оказывается, здесь нужней, чем любой европейский. Екатерина Ивановна с увлечением изучала его, часто поражаясь своеобразным формам. Это удивительно, как строятся выражения! Как обрадуются тетя и сестра, когда она поделится с ними сведениями о своих необычных исследованиях!

– Есть ли у тебя дети, Сакани?

– Не-тю, – ответила гилячка по-русски.

Оказалось, Сакани недавно замужем.

– Какой ужас! Ты слышишь, Дуня? Они только что поженились, и эти негодяи на них напали. Их медовый месяц был омрачен! А братья у твоего мужа есть? – спросила Екатерина Ивановна.

Сакани затараторила так быстро, что Екатерина Ивановна не могла ничего понять. Это ужасно! Надо учиться. Екатерина Ивановна еще раз почувствовала, что она ничего не сделает тут, если не будет знать язык как следует. Небольшим набором выражений не обойдешься там, где важно каждое слово. Сакани объяснила, что ее хотят украсть, она боится. Каждый заходит к ней в юрту и заговаривает ласково. Это пугает ее.

Екатерина Ивановна поняла примерно так, что Сакани не хочет терпеть домогательств братьев мужа и знакомых, когда Таркуна нет дома, и не хочет доставлять неприятностей своему мужу. Катя поражалась ее уму и такту, хотя при этом Сакани сморкалась прямо на пол и вытирала нос полый халата, и пришлось тут же подарить ей носовой платок и учить сморкаться.

Пришла жена Паткена и уселась у двери. Она длиннолицая, сухая, молодая. Сегодня она оживленна.

– Что веселая? – спросила Дуняша.

– Охотники ушли за нерпой... Когда мужики уйдут – лучше! – ответила Лаола.

С помощью ее и Дуни, которая, не зная по-гиляцки, кое о чем догадывалась быстрее Екатерины Ивановны, наконец стало понятно, что Таркун не хочет уступать младшим братьям свою жену, чего по гиляцкому закону они требуют, пока он в отъезде.

Зашел Позь. Он тоже уселся на полу в ожидании капитана. Сакани продолжала рассказы.

– У русских только одному на жене жениться можно, и поэтому Таркун за русских, – перевел Позь ее слова.

«Значит, и гиляк человек, – подумала Екатерина Ивановна. – И он чувствует, как мы! И он понимает, что такое единственная любовь!»

– А тебе нравятся его братья?

– Уй! Нет! Зачем они мне?..

– Нет у нее половинщика! – заметила Дуняша. У Екатерины Ивановны окончательно отлегло от сердца.

Невельской застучал у крыльца, околавывая лед с валеных сапог.

– Маньчжур сегодня пришел в магазин, – стал рассказывать он, входя в кухню. – Стоял, смотрел и спросил, что это за товары у нас. Обещал привезти шелков, леденца и риса. А этот бюрократ Боуров не стал с ним разговаривать и заявил, что, мол, это не твоего ума дело. Хорошо, что я тут и застал его. Я спросил маньчжура, что бы он хотел купить. Обещал, как только он закончит сегодняшний урок, повести его на склад и показать все, что у нас есть. Из наказанного человека можем создать себе друга верного. Но как мне из компанейских дураков и мерзавцев друзей сделать! Сколько раз я им говорил, что с маньчжурами надо дружить. Боуров опять ждет каких-то директив из Аяна, твердит, что не смеет снижать расценки и не может позволить мне распоряжаться товарами по моему усмотрению, что должен запросить об этом письменно Кашеварова. А Кашеваров ничего не может сделать без разрешения Петербурга. А у меня руки чешутся... В экспедицию на Сахалин пойдет Бошняк! И я решил идти с ним до Дуэ, посмотреть выходы угля. Что ты скажешь об этом? Вот привезут Тятыха, выпорем его, Мунька отбудет наказание, и я поеду. Я еще сам по дороге припугну торгашей!

Бошняк привез Тятыха. Его наказали и поставили на работу вместе с маньчжуром таскать бревна.

– Имя теперь не скучно! – говорили казаки.

Вечером Тятыха и Таркуна мирили.

А еще через несколько дней Николай Константинович и Невельской отправились в путь. Позь вел их по бескрайним снегам к далекому синему острову. С ними идет казак Семен Парфентьев, рослый, со светлой бородой.

...Бошняк отстал. Собаки с трудом тащили его тяжелую нарту. Иногда он давал им отдых. Они хватали куски снега горячими, парившими пастями. Вокруг – торосы и снежные заструги. Бошняк смотрел на переднюю удаляющуюся нарту, впереди которой, размахивая руками и оживленно разговаривая, брели друг за другом по лыжне Парфентьев, Невельской и Позь. Вот они исчезли, перейдя заструг величиной с хороший корабль. Через него надо перебраться и Бошняку...

«Да, его жизнь была полна благородного служения делу, – продолжал он мечтать про самого себя в третьем лице. – Его судьба... Его судьба...»

Он завяз в гребне заструга, который вдруг растрескался и осел под лыжами. Бошняк поехал вниз... Невельской и Позь ждали его. Казак с нартой шел впереди.

– Геннадий Иванович! Кавказ – это то, чего нам не хватало! Странные очертания гор, вечные чистые снега, созерцая которые делаешься возвышенней и благородней!

Смотрели грозно сквозь туманы

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!..

Где-то среди синих полос появилось солнце и вспыхнуло на горных вершинах Сахалина.

И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир, —

декламировал Бошняк.

Но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенья Бога своего... —

весело отозвался Невельской, закуривая трубку.

Бошняк шел с трудом, но чувствовал в себе такие душевные силы, что готов был презирать все и всех на свете, даже Кавказ и горные хребты Сахалина были ничтожны по сравнению с тем, что он чувствовал. Но он сознавал, что до сих пор его силы были никому не нужны. И от разрыва между тем, что он мог сделать, и тем, что с него требовали, образовывалась пустота. Из миллионов своих душевных сил, ему казалось, он тратит лишь единицы. До сих пор было так. Здесь, у берегов Сахалина, рядом с Невельским он понимал ничтожество своей прежней жизни.

Но вот ноги, кажется, натерты... Невельской до сих пор оставался для Бошняка привлекательной тайной, все время хотелось быть с ним.

Он мысленно читал стихи и с болью думал, что никому не будет сниться его труп, занесенный холодными снегами, только одна Екатерина Ивановна вспомнит! Она единственная и мать и сестра, и от этого плакать хотелось. Он знал, что Екатерина Ивановна любит его, как брата. Иногда казалось, что ради нее он готов на любой подвиг. Он представлял себе картину: вот он вернулся в Петровское. «Уж ночь. Все слушают, и я долго говорю. И чай такой вкусный, лепешки! Огонь трещит в плите. Как хорошо у них!»

В кругу юных жен и девиц ни в Костроме, ни в Петербурге никто не вспомнит о Коле Бошняке, никому нет дела, что он молод, нежен и так страстно желает любви, что даже сейчас, в пургу, думает о ней, а не об опасностях и не о том, что ноги болят. Не о пурге, не о полудохлых собаках. Ему горько, что его никто не любит, а не оттого, что болит нога.

Ветер подхватывает льдинки и бьет ими в лицо.

– Та-тах... та-тах... – кричит Семен, видно заметив что-то предвещающее отдых.

– Че, Николай? – обращается к мичману Позь. – Живой, нет ли? Однако, приехали.

Видны юрты, нарты, палки. Это стойбище на острове Удд. Невельской уже в юрте. Видно, целуется там с хозяевами...

Глава восьмая. Первая почта

– Алена, что ты делала, когда была в положении? – спрашивала Екатерина Ивановна.
– Да меня, Катя, и не тошнило, – отвечала жена матроса.
– Капусты соленой поешь, – говорила рослая старуха Парфентыха. – У Боурова разве нет? Есть, есть у него.

Теперь капуста и рассол каждый день на столе. Еще хочется яблока. Хорошо бы чаю с вишневым вареньем! Сладкого хочется как-то особенно. Но ничего этого нет. А звериное мясо и вяленая рыба опротивели. С почтой из Николаевска изредка присылают несколько свежих осетров. Там стали ловить их подо льдом.

Кате часто кажется, что она обделяет маленькую жизнь в своем чреве, не давая ей ни яблока, ни сахара. А «ей» ужасно хочется всего этого. Но как быть? Кате и больно и жалко и себя, и своего ребенка. «Это нервы, – старается она успокоиться. – В эту пору женщины тревожны. Так говорили еще “там”, в обществе тети. Приедет Геннадий, и я успокоюсь. А то я могу передать ребенку свои расстроенные нервы. Да, надо взять себя в руки».

Еще недавно Катя чувствовала себя молодой, здоровой и сильной. Она с увлечением танцевала и веселилась на праздниках. «А теперь такая перемена! Я выгляжу ужасно. Без Геннадия становится невыносимо скучно!»

Кажется, муж стал ей еще ближе. Она видит в нем будущего отца, и чувства к нему нежней и серьезней. Она несколько стыдится, что так подурнела. Геннадий сразу заметит. Но почему он не возвращается с Сахалина, куда поехал открывать каменный уголь? Нашел ли он то, что хотел?

Катя прекрасно понимает, сколь важен уголь. Развитие Англии, блестящее и беспримерное, произошло не только по причине доблести и трудолюбия ее жителей, но и оттого, что там в земле уголь и руды. Она об этом читала.

Как важно открыть уголь для нашей экспедиции, для будущего России. Если бы это в самом деле удалось! Как бы обрадовались в Петербурге. Уголь у самого побережья, выходы его открыты, это удобно, дешево добывать! Каменный уголь для будущего тихоокеанского флота! Какой переворот создаст это в умах тех, кто еще не понимает великого значения деятельности мужа и его сотрудников. Тогда осуществится его мечта о постоянном пароходном сообщении между устьями Амура и Штатами.

Ей всегда неприятны мысли о том, что в Петербурге многие не хотят понимать мужа. Но император милостив к нему! Великий князь Константин ему покровительствует. Чего же еще?

Отрадно подумать, что есть на свете Петербург, величественный и справедливый. Со временем муж ее будет возвеличен там, признан как герой, его подвиги станут очевидны. Каким драгоценным вкладом в умственную жизнь общества будут его открытия. Даже Катины слабые и наивные попытки изучать языки местных племен и внедрять просвещение и человечность будут там приняты с сочувствием. Там, конечно, поймут, что она пошла за мужем на край света и старается трудиться, как проповедует Жорж Санд. Как бы желала она явиться в Петербург с сыном, рожденным на берегах Охотского моря!

И есть на свете блестящий Париж, в котором Катя никогда не была, но она мечтает быть там. Это затаенное желание, конечно, исполнится.

Ее бывший жених – француз, блондин, тонкий, высокого роста, ловкий... Да, это яд! Как он танцевал, какие руки! Он неглуп, прекрасно воспитан. Теперь ей многое неприятно вспомнить... И Франция – страна разума, света, великих мыслителей, артистов, художников, революционеров, великолепной промышленности и артистического умения жить. Хотелось бы видеть торжественные бульвары Парижа, суету блестящего города, из которого на весь мир

идут не только туалеты, духи и искусственные цветы, но и великие идеи, где сами страдания бедняков осмысливаются на пользу будущему человечеству.

– Катя, гилячка пришла, – говорит Дуня.

У Лаолы в руках дочерна засаленный берестяной туес с мороженой клюквой. За полу ее халата держится маленькая дочка с заиндевевшими кудрями. Гостя отдала клюкву Екатерине Ивановне.

– Муж не едет?

– Нет.

– Хорошо! Я люблю, когда мужиков нет! Одной хорошо, правда?

– Да... – нехотя отвечает Катя.

– Черт бы их побрал, моих мужиков, так надоели! А ты все болеешь? Ой, худо, худо! –

Гилячка придала кислое выражение своему лицу.

Лаола сама в положении. Мучения Кати заботят ее. Катя берет ее дочку на руки, подбирает, потом кружится с ней по комнате, поет: «Ах вы, сени». Маленькая гилячка смеется. Взяв ребенка за ручки, Катя хлопает ее ладошками.

– Приходи к нам, – говорит Лаола на прощанье. Катя садится за работу. Она научилась кроить и шить солдатское белье. Еще совсем недавно она смотрела на все восторженно – и на гиляков, и на этот бревенчатый дом, на путешествия своего мужа, на шитье грубого белья и даже на нехватки и голод. Казалось, она читала увлекательный роман. Все происходящее с ней было необычным, как затянувшийся маскарад. За последние дни она начала тревожиться и ее взгляды стали реальнее. Муж не возвращался. Ее охватывал страх за него, за себя и за будущего ребенка.

Пришла Алена Калашникова. Лицо у нее в синяках.

– Что с тобой?

– Ах, Катя, Мокей мне с самого Рождества покоя не дает. То тычка даст, то толкнет, все норовит задеть побольней, обидеть.

– Да ведь вы же так дружно жили?

– Да вот катал меня на праздниках сосед, а Мокею моему что-то померещилось, и он покоя не дает.

– Неужели из-за Фомина?

– Ах, нет, Катя, не из-за него. Из-за Ивана Подобина. Он меня на упряжке лихо мчал. А теперь они с мужем зверями смотрят друг на друга. Не дай бог, что случится.

Катя знала Подобина. Это серьезный человек, один из самых лучших и надежных в экспедиции.

Алена стала рассказывать, что с тех пор, как муж произведен в унтер-офицеры, он стал важничать. Сегодня он пришел со склада, принес муку. Алена мыла пол в казарме. «Что это ты расставилась-то? – толкнул он ее сзади. – Не видишь, унтер-офицер пришел». – «Эка! – усмехнулась Алена. – Теперь все унтера, работать кто будет?» – «Какое имеешь право не оказывать уважение? Что ты рот разеваешь, а?» – злобно спросил муж и ткнул ее кулаком.

Катя замечала, что Мокей после производства в унтеры стал зазнаваться. Он просил Невельского дать ему помощников обед варить и за это получил «распеканцию».

...Ночью Катя проснулась. Она думала о том, что же теперь с Аленой. Потом полезло в голову, что в такую вот ночь могут подобраться маньчжуры, устроят резню. Правда, Геннадий говорил, что ничего подобного быть не может. Но на всякий случай учил Катю стрелять и свой лучший двухзарядный пистолет оставил ей. Он ночью всегда лежит рядом на столике.

«Но почему Геннадий не едет? Он должен был вернуться. Неужели его больше нет? Господи, не погуби моего мужа!» – страстно молилась она.

Иногда в тишине вдруг отчетливо послышится топот рысаков и шелест шин по торцовой мостовой. Это Невский проспект, музыка столицы.

Она жила в Петербурге, запертая в Смольном монастыре. Умственная жизнь лишь в отголосках доносилась за толстые стены.

...А вот кто-то тихо перебирает в тишине клавиши рояля. Послышался Шопен. Это музыка в мозгу. Мозг отдавал свои давние впечатления среди тишины вдруг замершего Охотского моря. «Я соскучилась по музыке. Может быть, моя крошка просит этих звуков, полных чувства? Единственно, что мы можем здесь слушать, это простые песни наших добрых людей и церковный хор, когда муж исполняет обязанности священника».

Утром, выйдя из дому, при блеске солнца, заливавшего все вокруг, она смотрела то с гребня косы, то с вышки на юг, в сторону лимана.

Теперь уж это торжественное ледяное безмолвие, эта сверкающая красота не восхищали ее, не казались необычной живой декорацией, театром природы. Ледяная равнина оказалась далеко не так безобидна.

Природа, временами злая и всегда безразличная и беспощадная, могла погубить Геннадия. Неужели он лежит где-нибудь среди этой равнины и его заносит снегом и никогда и никто не найдет сугроб, под которым самое дорогое для нее на свете? Неужели замерзло его горячее сердце в то время, как стало биться сердечко его ребенка?

Теперь она понимала, что природа может быть страшным врагом. Пурга, мороз, огромные просторы губят человека. Все это далеко не предметы для любования.

Дома, в большой комнате, письменный стол мужа. И опять больно, словно мозг колет игла. Тихо, опустел его маленький столик, маленькое поле, где происходили великие битвы и набрасывались великие планы. А на обеденном столе с убранной скатертью лежат куски грубой белой материи. Сейчас придет помогать Алена... Она рада убраться из казармы с глаз долой.

Под вечер Катя шла в стойбище. Гиляки теперь перестали казаться ей экзотическим племенем. Она понимала безрадостную судьбу этого маленького народа с его вечным существованием на грани смерти.

Она лечила детей, записывала гиляцкие слова, показывая на предметы и спрашивая их названия у взрослых. Гиляки стояли или сидели на корточках и молча слушали, о чем она говорит с их детьми. Иногда в их взглядах скользнет тревога.

Дома ее ждал Таркун.

– Катя, писку тебе привез!

– Что с Геннадием? – испуганно спросила она, но лицо у гиляка такое спокойное и доброе, что она поняла все, еще не читая.

Записка по-французски. Он целует ее, умоляет не беспокоиться, важные исследования задерживают его. А следом за «пиской» через день явился сам Геннадий, почерневший, весь в снегу, но полный энергии.

В постели теперь так тепло и уютно и таким жарким стало большое ватное одеяло, под которым она не могла согреться в одиночестве. А теперь при свете ночника его часто приходится откидывать. Геннадий нежен и осторожен. И целую ночь разговоры шепотом. Она никогда не подумала бы, что ей так много надо сказать ему, ведь жизнь ее была совершенно пуста, скучна, без впечатлений.

Утром его стол опять превратился в арену битвы. В комнате накурено. Воронин, доктор Орлов, боцман Козлов, казак Беломестнов, Конев и Подобин обсуждают с капитаном, когда и как приступить к постройке палубного ботика.

Прошлым летом погибли два судна – «Охотск» и «Шелихов». «Шелихов» разбит вдребезги, но доски удалось спасти. Они годны в дело. Целую зиму возили их с острова Удд на собаках.

Послышался звон ботал.

– Почта! Геннадий Иванович! Олени! – вбегая, вскричал часовой.

Катя тоже вышла из дому и увидела несколько рысивших оленей. Неужели письмо от сестры, от тети? А кругом море в страшных сугробах и торосах, но теперь все опять не страшно. Геннадий был с ней, почта шла, ужасные картины потускнели.

Муж вышел на мороз в одном мундире. У него редкое здоровье. Только напрасно шапку забывает снимать в доме.

Нанесло туман. Ботала звенели, а оленей не стало видно. Временами казалось, что почтари забрели куда-то в сторону. Вдруг прямо напротив пакгауза появился на льду всадник на олене, за ним другой...

Вскоре Антип, тунгус, привезший почту, седоусый, сероглазый, с широким лицом, сидел в комнате на табуретке. Из большой кожаной сумки появились сразу две почты. Антипа наскоро расспросили про Аян и отпустили. Началось распечатывание пакетов.

– Катя... Вот от Варвары Григорьевны и от Саши, – сказал муж.

Екатерина Ивановна с благоговением взяла письма и ушла в спальню. Были письма Орловым, Березину, всем офицерам, нескольким нижним чинам и целая куча писем Невельскому – с орлами и без орлов.

Все разошлись. Капитан начал с главного – с писем генерал-губернатора.

Глава девятая. Почтарь Антип

Невельской готов был рвать на себе волосы.

– Право, обо всем этом невозможно судить трезво, пойти облиться ледяной водой. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Экие бестии и подлецы! Экие мерзавцы! Из Петербурга – сплошь подлости, за каждую следует по виселице, – сказал он, входя с пучком бумаг в руку в спальню, где Екатерина Ивановна сидела у ящика, заменявшего столик, и перечитывала письмо сестры. – Один Николай Николаевич к нам расположен и верит. Но что же за известия! Он без дела не сидит, но сплава по Амуру в этом году не будет, людей нам в экспедицию для пополнения не дадут! Крейсер не придет! Все откладывается до будущего года. Предписывается: исследования ограничить землей гиляков. Почему? На Кизи и в Де-Кастри постов не ставить. Пишет: «Собрал и обучил в Забайкалье двадцать две тысячи войска», и китайцы знают об этом и пугаются. Но мне вместо двадцати двух тысяч надо сто пятьдесят человек здоровых и крепких работников с топорами и исправным оружием для охоты и пять офицеров, суда паровые для исследований, товары, продовольствие! И все сделаем без расчета, что китайцев напугаем! И с ними столкнемся! Что он двадцать две тысячи собрал – слава богу! Пригодятся в случае войны с англичанами. Пишет: «Держите Сахалин в узде из Петровского...» Как держать Сахалин в узде, когда у меня сорок человек, часть из них – больные, а езда на Сахалин на собаках, собак нет и корма нет, и некого было туда послать, кроме Бошняка!

А вот из правления Российско-американской компании... Винят меня, будто бы я виноват, разбил корабли. Бумаги адресованы даже не мне, а Орлову, и он именуется «начальником экспедиции»! Ему прислано предписание, чем должна заниматься экспедиция: торговать с выгодой для Компании! Целая кипа бланков для отчетности. Если заполнять как требуется, то и мне, и всем офицерам надо все бросить и засесть в канцелярии. Требуют, чтобы я нашел гиляцких князей и установил с ними дружественные отношения. Дальнейшие исследования прекратить! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней – Кашеваров из Аяна сообщает, что ему предписано обращаться в бумагах только к Орлову. Чья это рука, все эти мерзости?! Кто же я, по их понятиям? Начальник караула, охраняющего их торговлю? Кашеваров пишет, что не знает, когда сможет отправить продовольствие! Требует отчетности, беречь товары. Отговаривается, что формально не может исполнить ни одного из моих требований. Не здесь осиное гнездо, не у Муньки, а в Петербурге!

Вот мы с тобой почты ждали! Верен наш путь, и дело наше глаза им колет, и поэтому тяжек наш крест. Что же я скажу офицерам, когда они вернутся из экспедиции? Что я Николаю Матвеевичу напишу? Как я заставлю офицеров исполнять то, что запрещено правительством?... Вот тут и для тебя приписка от Екатерины Николаевны и Николая Николаевича.

Она взяла письмо Муравьевых, а ему дала свое, от сестры из Красноярска, и другое – от тети, из Владимира, куда дядя назначен губернатором.

«Ребенок мой, бедный и нежный, только тебя жаль, что я тебя привязал к кресту своему. Катя, ангел мой и друг! За что я тебя гублю?»

Муравьевы писали Екатерине Ивановне кратко, но очень ласково.

– А ты знаешь, мой друг, если Варвара Григорьевна и Саша приглашают тебя, то ведь, может быть, стоит уехать на год-другой, – сказал Невельской, прочитав ее письма.

– О нет... – Она улыбнулась снисходительно.

«В наших делах много влияния имеют дела европейские, теперь же все там устанавливается к спокойствию, поэтому есть надежда, что и у нас не будут так трусливы...» – нетерпеливо читал он другое письмо.

– Нет, в Петербурге как были трусы, так и останутся! Надо думать не о том, что все устраивается к спокойствию, а видеть, что дело идет к войне! Европа сошлется на подлость

и преступления нашего правительства, а мы еще тысячу раз сами дадим им в руки козыри. Причину найдут. А в случае мира и спокойствия в Петербурге отлично знают, что надо делать: ехать в Париж за удовольствиями. А вот что будет, если мы захотим выйти в мир, на океанские просторы? Из-за одного этого Англия начнет войну. Они никогда не захотят уступить нам морей. А если займем побережье до Кореи и начнем отстраиваться в бухтах?

Он присел рядом с женой.

– Но тебе надо уехать отсюда!

– Я никуда не уеду от тебя, мой дорогой! – сказала она по-французски и обняла его.

– Не отказывайся так быстро... На следующий год, я это чувствую по бумагам, будет еще трудней. Они попытаются взять нас голодом.

– Но разве ты не победишь голод? Ведь ты же говоришь, что мы тут как маленькая независимая республика. Богатства моря и лесов – наши! Не правда ли?

– Если бы это было так на самом деле! Но мы живем не для себя. Мы должны непрерывно исследовать и думать о будущем, а не только о прокормлении себя. Я не могу поставить казаков на добывание пропитания, когда не исследован лиман. А цинга уже началась, сегодня Овчинников слег.

– Может быть, не надо так щедро угощать гиляков?

– Мы угощаем тем, чего у нас более или менее хватает: хлебом и крупой. А для больных нужна свежая пища, рыба, которую мы не можем сейчас достать, хотя ее множество, также водка, нужен винный уксус.

...Ночью он написал управляющему делами Компании Этолину, что по получении его распоряжений, а также распоряжения Кашеварова, адресованных Орлову, как ответственному тут от компании, он вскрыл эти бумаги, пригласил к себе Орлова, прочел ему эти приказания и тут же приказал не исполнять их ни в коем случае.

– Я заведу здесь огород! – сказала ему утром Екатерина Ивановна. – И мы не умрем с голоду... Алена и женщины давно говорят об этом.

Он сел писать Муравьеву, что не согласен с его приказаниями и с его осторожностью, доказывал, что имя Николая Николаевича принадлежит истории, если он будет действовать решительно, молил о помощи, сообщал, что на свой страх и риск поставит посты на озере Кизи и в Де-Кастри во что бы то ни стало. Откровенно написал про голод, про болезни и проступки нижних чинов и приказчиков. Несколько дней письма исправлялись. Доктор Орлов, исполнявший обязанности секретаря, переписывал их начисто.

Тунгус Антип ходил в баню, спал в каюрской на нарах, пил чай, играл в карты с гиляком Паткеном. Олени, разгребая снег в тайге, добывали себе белый мох.

Утром в назначенный день еще затемно олени загремели боталами под окнами домика начальника экспедиции. Антип сидел на табуретке в столовой. Сын его устроился у двери на корточках. Офицеры и приказчики были в сборе. Заливались каплями пылающего сургуча последние пакеты.

– Провизии у тебя хватит до Аяна? – спросил Невельской у Антипа.

– Как же, – отвечал тунгус.

Старик встал, снял парку и меховую рубаху, надел на шею и пристегнул ремнями к телу кожаную сумку, в которой упакованы письма, и снова оделся.

– Тяжелая сумка!

Невельской заставил почтарей проверить свои ружья и пистолеты. Вскоре ботала зазвенели и всадники на оленях медленно тронулись.

– Ну и слава богу! – сказал Невельской, стоя в толпе провожающих. – Теперь за дело!

За завтраком Геннадий Иванович рассказывал, что стапель для постройки палубного ботика почти готов.

– На ботике попытаемся исследовать лиман.

Екатерина Ивановна радовалась, что муж ее опять спокоен. Он стих, как океан в отличную погоду.

– Огород нужен. Будем заводить свое хозяйство и не надеяться на присылку продовольствия! Я советовался с Дмитрием Ивановичем и казаками. Можно и нужно из охотников составить артели для боя зверей. Мы в самом деле должны стать тут маленькой независимой республикой, только так сможем сделать то, что нам надо, а не то, что приказывает Петербург. Мы будем открывать гавани, занимать их, объявлять об этом иностранцам. А наказывать нас? Попробуйте, господа! Руки коротки! Шпионов вздумают прислать? Я приказал все письма частные представлять мне на просмотр. Захотят выморить нас? Но мы осенью мяса впрок наморозим, и сало будет. Но как ловить осетров? Никто не умеет! И гиляки не умеют как следует. Я написал в Иркутск и в правление Компании, прошу, чтобы прислали опытного рыболова из Астрахани, где осетров такое же множество, как в нашем лимане и на Амуре. Доказываю, что будет Компании доход от вымена и продажи осетрового клея и хряща маньчжурам.

Катя вспомнила, как в свое время о нем говорили, что он маленький, некрасивый и рябой. Сегодня такое яркое солнце и ясно видны все его рябины. Но, боже мой, он такой богатырь, такой великий герой и он так красив! Огонь всегда в его глазах. Этот огонь, а не рябины обращали на себя внимание; что смотреть на его рябины... «Но не правда ли, – спрашивала она себя, – ведь рябины очень редки?»

– Не дают судов – сами построим! Ботик мой для России будет дороже девяти стопушечных кораблей на Балтийском море! – твердил он. – Доски с «Шелихова» очищены от гнили, дерево «вылечили» так, что любой хирург позавидует. А мне опять служить, нужны молитвы к этому случаю.

Он не раз бывал при закладках кораблей, но как-то не обращал внимания, что читает священник. Со стапеля Невельской пришел расстроенный.

– Час от часу не легче! Приехали гиляки из старого стойбища с жалобой. Андриан Кузнецов и Фомин избил пожилого гиляка и отобрали мешок с рыбой. Я услышал и чуть не заплакал с досады! Приказал Козлову немедленно послать на Орлов мыс за Фоминым и Кузнецовым, они там лес рубят! Экие негодяи... И болезнь косит моих людей. Я стал сегодня служить в шлюпочном сарае. В это время на глазах у меня свалился Агафонов и не мог встать. Овчинников совсем плох. Я приказал укуса давать двойную порцию и всей команде снова по полчарки вина в день.

Екатерина Ивановна заметила, что Фомин с Андрианом, видно, были голодны, если отобрали рыбу.

Сама она терпела. Муж утром и вечером съедал по кусочку хлеба и пил чай.

– Это мародерство! Учим гиляков, виним маньчжуров в разбоях, порем маньчжуров, а сами? Я им покажу...

За обедом он почти не ел ни супа, ни рыбы. Пришел Козлов, сказал, что матросов привели.

– Не будь суров! – попросила Екатерина Ивановна. – Расследуй все. Гиляков можно отдарить чем-нибудь, извиниться. У них существует обычай – за преступление пострадавшему дают выкуп – вещи, это, по их мнению, серьезное наказание, так как они могут приобрести что-либо лишь ценой тяжкого труда. Воспользуйся этим обычаем и не наказывай строго своих людей! Команда будет благодарна тебе.

Невельской, казалось, не слыхал ничего...

Рослый белокурый казак в полушубке и ссутулившийся Фомин, держа шапки в руках, стояли перед ним во флигеле, где была контора и за перегородкой жили офицеры. Тут же гиляки, Воронин, Орлов, Козлов, Позь.

– Андриан, ты отнял мешок?

– Взял, Геннадий Иванович!

- Что было в мешке?
- Мясо.
- Зачем это сделал?
- Не знаю, Геннадий Иванович, пьян был.
- Пьян? Где же ты взял вино?
- Гиляки угощали.
- Кто дал им вина? – обратился капитан к гилякам. – Кто посмел поить моих матросов? Гиляки молчали.
- Влезгун?
- Нет, он не поил, – ответил Позь.
- Кто же? Ты ведь, Влезгун, водкой торгуешь?
- Влезгун молчал.
- Бабы их поили! – сказал Позь.
- Какие бабы?
- Гилячки! – ответил переводчик.
- Еще что за новости? Какие гилячки вас поили?
- Не знаем, пьяные были! – мял в руках шапку огромный Андриан.
- Так ты мясо отобрал и не помнишь? И как у гилячек был, тоже не помнишь?
- Плохо помню.
- А ты?
- А я помню! – признался Фомин со вздохом. – Нас угощали!
- Выпорю за это! И весной вышлю в Охотск или в Камчатский порт в штрафную!
- Ваше высокоблагородие, помилуйте, ведь гилячки бабы глупые! – взмолился Андриан. – Сами навязались.
- Тем более! Ведь они замужние, семейные женщины.
- Девоч, что ль, хватать?
- Никого не трогать!
- Как же быть?
- Женись!
- На гилячке?
- Да.
- Я с радостью! Сосватайте, ваше высокоблагородие. Я ей дом построю, я плотник, и тестю дом поставлю. Мне это по сердцу.
- А пока сосватаю тебя с розгами!
- Это нам мало важности. Только в Камчатку не отправляйте.
- Матросы и казаки обступили капитана и стали просить за товарищей.
- Аносов, вместо хлопот бери розги в руки!
- Как-то совестно, ваше высокоблагородие, товарища хлестать!
- И меня в свое время пороли!
- Разве? В ученье? Дело казенное.
- Да, и мне приходилось! Такое время! Всем приходится. А ну, живо! Костей не переломит, это не шпицрутены.
- Соизволь, Андриаша, лечь как следует! – с важностью сказал Аносов. – Когда, может, меня отблагодаришь.
- Молчать! – рявкнул Козлов.
- Ударил барабан...
- Гиляки столпились.
- Из-за вас, сволочей, своего порем! – сказал им Аносов.

Невельской велел отвести обоих поротых в избу, где Паткен готовил юколу, и приставить часового.

– Казачишки развращены, привыкли, что у инородца можно отнять все, что хочешь. Меня эти нравы сибирских торгашей в бешенство приводят! – говорил Невельской, придя домой и волнуясь. – Команда просила за виновных! А я собрал гиляков и объявил им, что мы и впредь за всякий проступок будем наказывать беспощадно как маньчжуров, так и их и своих людей! Не делая различия. А у нас находятся философы в казарме, которые говорят, мол, гиляки нехристи! Но я неумолим, и пусть знают мою железную волю! И суд мой краток! Они смотрят, что гиляк – собака. Бей его, рви с него. Нет, вот, получай! Теперь будут знать, как обкрадывать гиляков. Христианами себя считают, негодяи! Это развращение глубокое!

– Ведь Андриан славный, работающий! – сказала Екатерина Ивановна.

– Значит, за грех не считают как зайца ободрать, – как бы оправдываясь, говорил Невельской, усаживаясь на диван и набивая трубку.

Катя знала, что в команде есть очень порядочные и сердечные люди, они прекрасно относятся к гилякам. Но есть там и несколько бывших торгашей и преступники...

Утром пришла Лаола, жена Паткена.

– Катя, наши из старого стойбища приехали. Можно им к тебе войти? – спросила она по-гиляцки.

Но, не дожидаясь позволения, в дверь уже ввалились две здоровые молодые гилячки. Катя обрадовалась.

– Ай-ай, Катя, Катя! – тараторила Лакха, бойкая женщина. Щеки у нее тугие и красные как кумач.

В одной руке у Лакхи туес с мороженой ягодой. Другой она держит за руку маленького мальчика. Ее товарка Пойха высокая, с мешком в руках.

– Ой, Катя, Катя, такая беда! – жаловалась она, целуя щеки хозяйки и глядя ей плечи.

– Геннадий, к тебе депутация! – сказала Екатерина Ивановна.

Невельской вызвал Позя и сказал, что украденное мясо будет оплачено вещами из магазина, а виновные уже наказаны.

Но гилячек это известие, кажется, не обрадовало.

– Фомку и Андриашку жалко, жалко! – кривясь и показывая, что вот-вот готова заплакать, заявила по-русски толстая Лакха.

– Вот мы им гостинцы принесли! – сказала высокая Пойха застенчиво и грустно.

– Кому?

– Фомка, Фомка.

– И Андриашка! – добавила Лакха. – Которых пороли!

– Они наказаны за дело, за то, что обижали вас.

– Ой, ой! Нас совсем не обижали!

– Чего дядю жалеть! – закричала вдруг Пойха. – Дядя сам виноват, он у них взял табак даром!

– Зачем, капитан, Фомку и Андриашку так били? – с сердцем спросила толстая гилячка.

– Что же ты хочешь?

Гилячки сказали, что привезли для Фомки и Андриашки гостинцев, а часовой не принял, и они пришли просить.

– Отпусти их! – сказала Лакха.

– Не бей! Не будешь?

– Больше не буду.

Гилячки повеселели. Пойха рассказала, что Фомин и Кузнецов возили лес и по дороге заехали с пустыми нартами в зимнее стойбище. Лакха достала у Влезгуна спирта. Вместе с Пойхой она угощала русских. Все были довольны и весело провели время. Матросы ночевали в

доме, в тепле, и хорошо вели себя и утром поехали дальше, встретили дядю Пойхи и отобрали у него мешок, но в этом виноваты не они, а сам дядя. Он не любит русских и не дает им мяса. Мужья Лакхи и Пойхи в этот же день явились с охоты и рассердились на дядю, узнав, что случилось, и обвиняют его во всем случившемся и еще придут на него жаловаться.

– Ой, жалко, жалко Фомку и Андриашку! – приговаривала Пойха.

– Неожиданное милосердие! – с удивлением заявил Невельской, когда пришли Орлов и Воронин. – Послушайте-ка их!

– Какие дамы сердобольные! – сказал Воронин, приняв подарки для поротых и проводив гилячек.

– Позаволили себе любовников из нашей экспедиции и пришли хлопотать за них. Да этого мало! Еще мужей, говорят, пришлют за этим же! Нет, дисциплина и на любовников распространяется! А за разврат, объявите это команде, Дмитрий Иванович, любой будет порот и выслан!

– За этим, Геннадий Иванович, трудно усмотреть! – заметил Воронин.

Орлов молчал, не зная даже, что тут и сказать. Конечно, капитан был прав...

«Тут с ума можно сойти, если всех слушать! – подумал капитан. – Вот я женю Андриана на гилячке».

Послышался звон ботал.

– Что это? – спросила Катя.

– Видимо, опять почта... – воскликнул Невельской.

– Быть не может! – удивился Орлов.

– Почта идет! Из Аяна, – входя, сказал довольный доктор. Он ждал посылку с лекарствами.

– Тунгус вернулся! – разочарованно вымолвила Дуняша.

– Вот не было печали! – Невельской, Орлов и Воронин вышли из дому.

К магазину, верхом на олене, подъехал Антип. Он слез с оленя и уселся на трапе, но сразу же опять вскочил, заметив капитана.

– А ну, поди сюда! – крикнул Невельской. – Почта где? – спросил он.

Тунгус медленно приблизился.

– На дереве! – отвечал Антип.

– Как ты смел ее бросить?

– Я не бросил. На сук повесил, – возразил старик.

– Там документы, письма секретные!

– Ну кто в тайге возьмет, капитан, – с ласковой улыбкой сказал Антип. – У меня табаку мало, на дорогу не хватит...

Невельской покачал головой.

– А ты знаешь, что тебе за это полагается?

– Нет, не знаю, – отозвался Антип.

«Хитрец, сумку в тайге оставил, боится, верно, что запорю. А без него и сумку не найдешь».

– Выдайте ему, Дмитрий Иванович, табаку сколько надо, – сказал капитан.

Через час снова послышались звуки ботал.

– Поехал наш почтарь! – сказала на кухне Дуняша.

Невельской, попыхивая трубкой, мрачный, сидел за рабочим столом над бумагами.

Глава десятая. Чихачев на Амгуни и на Горюне

Выехав из Петровского поста, Чихачев и тунгус Афоня к вечеру того же дня прибыли в Николаевский пост.

Березин тут уже давно временно замещает Бошняка и торгует в своей лавке с гиляками и маньчжурами. Невельской велел ему присмотреть за бывшими штрафованными матросами, но приказал рук не распускать, зная такой грех за Алексеем Петровичем.

Как только Бошняк вернется с Сахалина на Николаевский пост, Березин отправится с обозом из трех нарт и с вооруженными казаками вверх по Амуру торговать с гиляками и повезет запасы для Чихачева, который к тому времени должен выйти из тайги на Амур.

Решено, что они встретятся у озера Кизи и там Березин передаст Николаю Матвеевичу продукты на все время весенних исследований. Если же встреча не состоится, Березин постарается узнать, где он, и пойдет ему на выручку, сообщив об этом в Петровское.

Чихачеву предстояло исследовать совершенно неизвестную область: подняться вверх по Амгуни до стойбища Керби, свернуть в дремучие леса и по замерзшим ключам дойти до полупрозрачного Самогирского озера, а затем по реке Горюн спуститься до Амура и уж не вверх, а вниз по Амуру идти на соединение с Березиным. Но с прибытием в Кизи исполнится только часть дела. Главное – впереди.

Конечно, экспедиция Бошняка на Сахалин очень важна, и дай ему бог успеха, но Николаю Матвеевичу кажется, что на его долю пришелся неизмеримо более трудный маршрут.

В свои родные места вместе с Чихачевым и Афоней из Николаевского поста отправился и Чумбока. Ему впервые предстояло побывать там после бегства.

Через две недели маленькая экспедиция приближалась к Самогирскому озеру.

Ветер крепчал. Шум шел по тайге. С ветвей сыпался снег так обильно, словно лились сплошные потоки. Казалось, они зальют собак, нарты и путников. Удивительно, сколько снега накопилось на деревьях.

Решили остановиться.

Важные великаны кедры растут поодаль друг от друга, не теснясь толпой. Такого же достоинства полны молодые деревья. У стариков – могучие шапки с черными кистями из густой хвои. И вокруг, как детвора, множество маленьких деревьев в снегу.

Налетел порыв ветра, рассеял снежные потоки. С шапок кедров ввысь поднялись снежные облака и вихри. Внизу было тихо, и только снежная пыль падала и падала, засыпая одежду, собак и палатку, которую ставили трое путников. По вершинам деревьев прокатился нарастающий грохот. Послышался вой метели, ее хлопки и тяжкие стоны стволов.

Ветер налетел низом и чуть не вырвал из рук Чихачева край палатки, к которому он привязывал конец. Грянул грохот, и какое-то черное облако начало быстро падать по направлению к палатке. Когда столбы снега разнесло, стало видно, что упал, вывороченный с корнями и с мерзлой землей на них, старый кедр. Целую тучу желтой шелухи, игл, шишек и сучьев, сшибленных с соседних великанов, нанесло на палатку.

– Если бы на нас попало, что бы было? – спросил Афоня, покачивая головой. – Однако, мы бы помирали!

Тайга бушевала всю ночь. Упавший кедр полузанесло. Вздвигались лишь черные корявые корневища, да мохнатые ветки кое-где торчали из сугробов. На другой день стихло. С перевала видна стала белая равнина.

– Самогирское озеро! – показал проводник.

Начались заросли белой березы, осинника, елей и тополей.

Чем ближе к озеру, тем ниже сопочки. Одна из них так мала, что уместилась под черным вытянутым плащом древнего однорукого кедра. На другой сопке, похожей на белый курган, в

разные стороны клонились редкие черные деревья с узловатыми стволами. Оказалось, что это липы и дубы. Чихачев приказал остановиться. Надо сделать обсервацию.

Иногда думалось, что вот он – наследник одного из крупнейших состояний в России – бредет на лыжах в глубоких снегах, по лесной пустыне. Сегодня ловил на себе вшей, ел бельчатину, перегрызая тонкие кости, как голодный волк. А ведь не хотел больше ходить ни в какие экспедиции. Возвращаясь прошлый раз в Петровское, проклинал себя, что впутался в такое дело, твердо намеревался заявить Невельскому, что никто не смеет заставлять его совершать исследования в нечеловечески тяжелых условиях. И вот опять в пути, тяготам конца не видно. Что впереди – неизвестно. Продуктов – в обрез.

«Конечно, это долг мой... Но как я поддался! Глупо!»

На другой день переехали залив озера, лесистый мыс и спустились к Самогирскому озеру. Черный лес полосами оттенял огромную снежную равнину. Солнце еще не всходило, а с правой стороны за озером проступал хребет, освещенный его лучами. Он казался ближе других. На нем видны ущелья, лес, скалы. Все выглядит призрачно. Горы слева скрыты в тени, таинственно синие и сиреневые, очертания их волнуют и манят.

Солнце взошло. Нарты быстро ехали мимо тальниковых зарослей, которые казались пучками сухой травы или засохшими букетами, воткнутыми в сугробы. Долго тянулись по берегам эти редкие тальники.

– Быстро едем! Самогирское озеро переехали! – сказал Чумбока. – По Желтой речке едем, которая из озера вытекает.

У Чихачева в руках планшет с компасом и карандаш. И горы, и реки, и мысы он наносит на карту.

– Скоро будет деревня Кондон! – восклицает Чумбока.

Лицо гольда осунулось. Горбатый нос стал еще острей. Он всматривается в даль.

– Я тут женил! – вдруг воскликнул он, показывая на сугроб, утыканный голыми тальниками. – Это остров, как раз тут! И на деревне свадьбу играли! У-ух, большая, красивая деревня, как город! У-у, какой остров красивый!

Афоня, холостяк, пьяница и враг женщин, презрительно усмехается. Наступает вечер. За поворотом виднеются старые кедровые лапы с широкими черными лапами. Синие тени деревьев падают на заструги речного льда и на тропки зверей. Повсюду на снегах голубые крестики звериных следов. Большая деревня, «красивая, как город», оказалась десятком лачуг, наполовину врытых в землю. Лицо Чумбоки сияло.

– Вот вы меня звали, и я приехал! – говорил он, сидя с Чихачевым и Афоней в юрте среди своих родичей. – А это Николай – приятель капитана. Как дедушка Никола-святой, только борода маленькая. Николай у нас главный.

В сборе все родственники Чумбоки: тощий дядюшка Дохсо, лысый сын его Алчика, лохматый дедушка Иренгену, долговязый Кога с бородой из нескольких длинных седых волосков. Только Игтонги нет. Он с охотниками ушел в высокие хребты.

Опять ночлег в юрте, дым, копоть, зыбки с детьми, больные дети, гноящиеся глаза собеседников, то жар, то холод, голодные собаки, скребущиеся в дверь. Николаю Матвеевичу все знакомо и надоело. Он устал очень, но знает, что этого нельзя показать. Чумбока старался услужить ему, расспрашивал у стариков про направление хребтов. Гольды с трубками тоненькими голосами отвечали на вопросы. Чихачева временами брала тоска, и ничего не хотелось спрашивать, но спрашивать надо. А Чумбока ждет, сам знает, что надо узнавать, и тут же толково переводит ответы. Назойливость энергичного Чумбоки раздражает Чихачева, но, как дисциплинированный, аккуратный офицер, он исполняет свои обязанности, втягивается в разговор, очень добросовестно расспрашивает обо всем сам, просит стариков чертить ножами карты на бересте и все перерисовывает, постепенно увлекаясь и обретая интерес.

Но едва люди улеглись спать, он остался наедине с думами о своей судьбе и о другой жизни, которую он, возможно, напрасно бросил. Все же очень обидно в двадцать два года оказаться в таком положении! Утром он обязан сделать местным жителям объявление от имени правительства.

– Всех вас будет теперь защищать великий джанги – русский царь! – сказал он собравшимся горюнцам. – Кто посмеет обижать вас или обманывать или станет вам грозить – будет наказан. Я отдаю вам эту бумагу.

Чихачев невольно старался говорить так же твердо и с таким же решительным выражением, как Невельской. Разговаривая с дедушкой Иренгену, взял его за деревянную раскрашенную пуговицу и стал ее вертеть, но не так ловко, как Геннадий Иванович, и чуть не оторвал.

Чумбока с утра обсуждал с родственниками семейные дела. Они поклялись друг другу, что старая вражда забыта. Время от времени в их компании раздавался дружный смех.

Афоня вошел с постромками в руках. Сегодня на нем все обязанности по хозяйству. Тунгус накормил собак, исправил нарты и сейчас сел чинить ремни. Он слушает, что говорят горюнцы, иногда вставляет насмешливое словцо в общий разговор.

Чихачев решил, что теперь остается срисовать хребет, видимый с реки, но для этого придется забраться на какой-нибудь холм. Он взял бумагу и вышел вместе с Афоней и с мальчишками, которые взялись найти ему место, откуда хорошо видны горы.

– А что он кушает такое, грызет крепкое как камень и мочит водой? – спросил дядюшка Дохсо у своего племянника Чумбоки, едва за Чихачевым закрылась дверь.

– Это сухари! – ответил Чумбока.

– И ты кушаешь?

– Как же!

– А нельзя ли нам попробовать? – осведомился долговязый Кога, поднося нос к мешку.

Чумбока развязал мешок и дал родичам по сухарю. Прибежали дети из соседних юрт, а за ними женщины и мужчины. Все хотели сухарей. Пришлось дать и им. Самары ели, а Чумбока расхваливал все русское.

Через час, когда Чихачев и Афоня вернулись, тунгус заметил, что мешок с сухарями опустел более чем наполовину.

– Это ты родичей угощал? – спросил он гольда.

– Да...

– Разве ты не знаешь, что Николай не может жить без сухарей? Это ты можешь жрать одну юколу! Обрадовался, что к родственникам приехал, начал их угощать! Зачем ты сухари роздал? Что ты будешь теперь делать, если Чихачев помрет от голода, что скажем капитану?

Они говорили с Чумбокой по-гиляцки. Присутствовавшие в юрте не понимали их, но заметили что-то неладное.

– Вкусное какое угощение! – сказал вошедшему Чихачеву дядюшка Дохсо, показывая на огрызок сухаря. Тут и Чихачев увидел опустевший мешок и все понял. На душе у него вскипело. Первой мыслью было выпороть мерзавца, но тут же вспомнил про обычай местного гостеприимства. Чумбока не раз говорил, что маньчжуры, приезжая, угощают всех водкой, а у Чихачева водка была только на случай болезни. А целые морские сухари привели тут всех, кажется, в восторг. Может быть, и в самом деле стоило угостить... Чихачев подумал, что надо сдержаться и нельзя выказывать досаду. В нем с детства вырабатывали умение скрывать свои чувства, быть сдержанным. Но тут их очень трудно скрыть! Все-таки очень досадно! Он пере-сил себя, улыбнулся и сказал хозяевам, что ему очень приятно, если угощение понравилось.

– Вот видишь! – обрадовался Чумбока, обращаясь к Афоне, хотя у него и скребло на душе. Он с опозданием сообразил, что наделал.

Афоня молча завязал и убрал мешок подальше. На другой день, когда двинулись вниз по Желтой реке и вышли на Горюн, тунгус всю дорогу корил Чумбоку. К вечеру снова началась

пурга. Слышался шелест снега, несущегося по сугробам, и грохот невидимой в его потоках тайги.

У Чихачева пальцы застывали.

– Сюда, сюда! – кричал Чумбока, хватая вожака за хребтину и постромки и поворачивая его к берегу.

Где-то во мгле послышался собачий лай. Вскоре подошли к стойбищу. Собаки оживились и, напряженно упираясь задними лапами, потащили нарты по обледеневшему берегу куда-то вверх. К удивлению путников, едва вошли они в юрту, как с кана, из-под одеяла, вылез и поднялся во весь рост знакомый долговязый, сухой старик с бородой из нескольких длинных седых волос.

– Дедушка Кога? Ты как сюда попал? – удивился Чумбока.

– Я торопился, чтобы рассказать тут новости, – отвечал старик, – что едете, вы, что надо хорошо встретить! Протоками раньше проехал. Только немножко замерз.

Когда сели за столик и собрались почти все жители стойбища, Кога потихоньку сказал Чихачеву:

– Все здешние люди сухари очень любят!

Чумбока испуганно глянул на Николая Матвеевича, Афоня с гневом – на Чумбоку, тот – на Когу.

Чумбока стал уверять старика, что сухарей больше нет.

– Нет, надо их угостить! – сказал Чихачев, догадавшись, о чем речь. Он развязал мешок сам и роздал всем по сухарю.

Через неделю приближались к устью Горюна. Ехать на нарте нельзя, снег рыхлый, велики сугробы, собакам трудно, приходится помогать. У Чихачева сбиты ноги. Сухарей осталось десятка два. Афоня отказался от своей порции.

В одной из деревень остановились отдыхать на два дня. Чумбока, желая искупить свою вину и пополнить запасы продовольствия, сходил с хозяином на берлогу и убил медведя. Теперь есть свежее мясо, но зверь царапнул Чумбоке ногу, она болит.

Надо спешить. Еще неизвестно, когда доберешься в Де-Кастри. Чихачев помнит приказ: там надо весновать, сделать опись залива. Могут появиться иностранные суда. Невельской твердит, что весной можно ждать английской описной эскадры у этих берегов.

Чихачеву надо выяснить направление хребтов, рек, всюду говорить местным жителям, что мы хозяева края. Дело свое он исполнил на Горюне и на Амгуни добросовестно. Но часто приходило на ум, что все это выше сил человеческих. Мешок пуст. Вокруг на тысячи верст ни горсти муки, ни единой пекарни. Опять метет пурга. Вовремя, вероятно, не выехать из этой деревни. Разбирала досада на Невельского.

Наконец все прояснилось, ветер стих, солнце засверкало на снегу. Путники снова побрели, пробивая упряжке дорогу своими лыжами.

Вечером опять ночлег в деревне. Тут почти устье Горюна. У одной из юрт стоят широкие нарты, на них тюки и сверху красная дуга. Сытые, рослые собаки залаяли басами на приехавших.

– Пистолеты у тебя, Николай, заряжены? – спросил Чумбока.

– Заряжены.

– Маньчжуры тут. Это их собаки.

Чихачев не боялся. Он устал и так раздражен, что готов хоть сейчас драться и стрелять. Напади только маньчжуры, он бы им показал. Но он понимает, что надо терпеть, не драться, а завязывать дружбу, договариваться о торговле, как велено.

Вышли маньчжуры с косами и в шапочках. Они сами испуганы и усиленно кланяются. Один из них, Тин Фа, румяный толстяк, улыбается широко.

– Знакомая компания! – воскликнул Чумбока.

– Встречал их прежде? – спросил Чихачев.

– Встречал. На Тыре, когда там был капитан. Они купцы, путешествовали с маньчжурским чиновником вместе, знакомы с Геннадием Ивановичем. И Афоня их знает.

Чихачев почувствовал, что тут надо держать ухо востро.

– Так ты из Иски? Капитана приятель? Ое-ха! Пойдем к нам в гости, будем тебя угощать, – говорил худой усатый маньчжур в длинном черном ватном халате.

В юрте на столике водка и табак. Николаю Матвеевичу подали горячие паровые пампушки, кашу с маслом. Ургэн – высокий усатый маньчжур в черном халате – велел работнику достать в одном из мешков и разморозить курицу.

«Какая роскошь!» – думал Чихачев, невольно проникаясь симпатией к новым знакомым. Маньчжуры путешествовали с комфортом, у них было все. А у него нет ничего, он голоден, товары почти все распроданы и раздарены. Надо как-то заинтересовать маньчжуров, убедить, что с русскими меняться выгодно, что у них есть нужные для маньчжурских купцов вещи.

Чумбока расспросил здешних жителей, которые тоже приходились ему родственниками, ругают ли эти маньчжуры русских. Гольды ответили, что маньчжуры про русских ничего не говорили. Чумбока прекрасно понимал маньчжурский язык, который знал с детства. Он оказался отличным переводчиком, передававшим все оттенки речи.

– Капитан обещал нам на Тыре выбрать хорошее место, где мы могли бы с вами съезжаться для торговли и размена товаров, – говорил Чихачеву худой Ургэн. – Почему же до сих пор это не сделано? Мы видели ваше красное сукно и ситец. Они очень хороши. Капитан говорил, что вы могли бы привозить нам моржовый зуб. Где все это? Если ты приехал торговать, то где же твои товары?

– Мы уже все распродали, – пустился Чумбока на выручку своего начальника.

Маньчжуры смотрели с некоторым недоумением. Чумбока догадался, что они заметили пустые мешки. Если бы продались товары, в мешках были бы меха.

– Мы все давали в долг, мехов не брали, – пояснил гольд.

Тин Фа сказал, что так и с ним бывало: раздавая товары в долг, он возвращался с пустыми нартами, сам голодный. Именно в это время, весной, когда почти все лучшие меха уже скуплены! И Тин Фа прелюбезно улыбнулся.

Сказано это было с таким выражением, что не поймешь, всерьез он поверил или с очень большим тактом помог Чихачеву выйти из затруднительного положения, оставаясь, однако, при своем мнении.

Но на случай встречи с маньжурами у Чихачева было красное сукно. Оно извлечено сейчас из мешков, к восторгу покупателей.

– Что тебе надо, Николай, за это, какой товар? – спрашивал Тин Фа.

– Соболей и водку!

Маньчжуры сказали, что все это есть у них.

От вина у Чихачева горели щеки и уши. Маньчжуры наперебой выказывали ему дружбу. Они сказали Чихачеву, что готовы выручить его и отдать ему часть своего продовольствия в долг. Чихачев отказался, заметив, что навстречу ему идет целый обоз нарт со всеми припасами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.